ЗИГМУНД ФРЕЙД

«Очерк истории психоанализа»

Не следует удивляться субъективному характеру предлагаемого «Очерка истории психоаналитического движения» и той роли, которая отведена в нем моей личности. Потому что психоанализ — мое творение. В течение десяти лет им занимался один только я, и все неудовольствия, вызванные у современников этим явлением, всегда обращались против меня одного. Поэтому я считаю себя вправе отстаивать ту точку зрения, что еще и теперь, когда я уже давно перестал быть единственным представителем психоанализа, никто лучше меня не может знать, что такое психоанализ, чем он отличается от других способов исследования душевной жизни, чему можно дать такое имя и чего не следует так называть.

Когда я впервые в 1909 году получил возможность говорить публично о психоанализе с кафедры одного американского университета, взволнованный значением этого момента для распространения моих идей, я объявил, что психоанализ вовсе не мое детище. Я приписал эту заслугу другому, J. Breuer'y, и отнес ее к тому времени, когда я еще студентом был занят государственными экзаменами (с 1880 до 1882 г.).

Однако я должен был согласиться с возражениями моих доброжелательных друзей, что, выражая таким образом мою благодарность, я погрешил против действительного положения вещей. Мне следовало бы, как и прежде, указать на значение «Катартического метода» Breuer'a как предварительной стадии психоанализа, а началом самого психоанализа считать тот момент, когда я, отбросив гипнотическую технику, ввел метод свободных ассоциаций.

В сущности совершенно безразлично: начинать ли историю психоанализа с «катартического метода» или с момента, когда я внес в него изменения. Я останавливаюсь на этой неинтересной подробности потому, что некоторые противники психоанализа при случае не прочь напомнить, что ведь все это искусство совсем не мое изобретение, а Breuer'a. Конечно, это случается только в том случае, как критики считают возможным признать в психоанализе кое-что достойным внимания; в том же случае, если их отрицание не знает никаких пределов, то психоанализ признается моим созданием. Я еще никогда не слыхал, чтобы участие Breuer'a -в создании психоанализа навлекло бы по его адресу какую-либо брань и порицание. А так как мне давно уже известно, что психоанализ неизбежно вызывает в людях озлобление и протест, то я и пришел к заключению, что, должно быть, именно я и положил основания всему тому, что является особенностью психоанализа. С удовлетворением могу добавить, что Breuer не сделал ни одной попытки умалить мое значение в таком ославленном психоанализе и не поддерживал таких мнений.

Содержание открытия Breuer'a сводится к положению, что симптомы у истерических больных зависят от потрясающих, но забытых сцен из их жизни. Основанное на этом положении лечение старается заставить больных вспоминать эти переживания в гипнозе и воспроизводить их (Katharsis). Отсюда вытекает частичная теория о том, что эти симптомы соответствуют ненормальной связи определенного количества неразрешенной энергии возбуждения (конверсия).

Breuer при всяком упоминании о конверсии в своем теоретическом, очерке ставит в скобках мое имя, как будто эта первая попытка теоретического обоснования была исключительно моим научным открытием. Я думаю, что эта ссылка имеет отношение к номенклатуре, тогда как теоретическое понимание конверсии одинаково выяснилось для нас обоих.

Известно также, что Breuer после первого опыта уже не применял больше катартического лечения в течение целого ряда лет и взялся вместе со мной за него снова после моего возвращения от Charcot. Как терапевт Breuer слишком был занят обширной

врачебной практикой; я же неохотно сделался врачом, но в то время по некоторым серьезным причинам у меня было сильное желание помочь нервнобольным или хотя бы кое-что понять в их состояниях. Вначале я возлагал надежды на физикальную терапию, но оказался беспомощным благодаря разочарованиям, которые во мне вызвала богатая советами и назначениями книга Erb'a. Если я тогда самостоятельно не мог дойти до усвоенного мной позже, благодаря Möbius'y, взгляда, что успехи электрического лечения при нервных расстройствах основаны на внушении, то в этом было виновато исключительно отсутствие каких бы то ни было успехов. Удовлетворительной заменой дискредитированной электротерапии казалось тогда лечение внушением в глубоком гипнозе, с которым я познакомился благодаря производившим тогда большое впечатление демонстрациям Liebault'a и Bernheim'a. Но расспрашивание о гипнозе, с которым я познакомился благодаря Breuer'y, должно было больше привлечь меня как автоматичностью действия, так и удовлетворением любознательности, чем однообразное и исключающее всякое исследование подавление при помощи внушения.

Недавно мы услышали, что одним из самых последних завоеваний психоанализа является требование выдвигать на первый план анализ ближайшего по времени конфликта и повода к заболеванию. Именно это .мы и делали с Breuer'ом вначале наших работ с помощью катартического метода. Мы направляли внимание больного непосредственно на травматизировавшую больного сцену, во время которой возник симптом, старались открыть в ней психический конфликт и освободить подавленный аффект. При этом мы открыли характерное для психических процессов при неврозах явление, которому я дал позже название «регрессии». Ассоциации больного шли от сцены, которую желательно было объяснить, назад к более ранним переживаниям, и принуждали анализ, желавший изменить настоящее состояние больного, обратиться к его прошлому. Эта регрессия вела все дальше назад, как казалось, сначала до периода первой юности, а потом неуспехи и проблемы в понимании завлекали аналитическую работу в более ранние годы детства, которые были до тех пор недоступны какому бы то ни было исследованию. Это «обратное» направление стало важной характерной чертой анализа. Выяснилось, что психоанализ не может объяснить ничего в настоящем состоянии больного, не сведя его к прошлому, — более того, что всякое патогенное переживание предполагает другое, более раннее переживание, которое, не будучи само патогенным, придает это свойство позднейшему. Но искушение держаться одного только актуального повода было так велико, что я поддавался ему еще и в позднейших моих анализах. В проведенном в 1899 году лечении пациентки, под именем Доры, я знал сцену, вызвавшую вспышку настоящего заболевания. Бесчисленное множество раз старался я проанализировать это переживание и на все мои требования ни разу не добился ничего другого, как всегда одного и того же недостаточного и неполного описания этой сцены. В то время, когда мы дошли до воспоминаний самого раннего детства, пациентка увидела сон, при анализе которого ей удалось вспомнить забытые до того подробности вышеупомянутой сцены, что сделало возможным понимание и разрешение актуального конфликта.

Из этого одного примера видно, как ошибочно требование выдвигать на первый план настоящий конфликт и повод к заболеванию и какая громадная научная реакция выражается в этом совете пренебречь регрессией в аналитической технике.

Первое разногласие между Breuer'ом и мной возникло в вопросе о деталях понимания психического механизма истерии. Он предпочитал еще, так сказать, «физиологическую» теорию, хотел объяснить раздвоение психики у истерических больных разобщением между различными душевными состояниями (или, как мы тогда говорили, состояниями сознания) и создал таким образом теорию «гипноидных состояний». после которых остаются в душе как бы неассимилированные чуждые тела и застревают в бодрствующем сознании. Я объяснял все это менее научно, предполагая всюду тенденции и наклонности, аналогичные явлениям обыденной жизни, видя в самом психическом раздвоении результат процесса отталкивания, который я тогда назвал отражением, а позже «вытеснением» (Verdr angung). На время я

пытался допустить одновременное существование обоих механизмов, но так как опыт обнаруживал всегда одно и то же, т. е. вытеснение, то вскоре «гипноидной» теории Breuer'a я противопоставил учение об «отражении».

Однако я .вполне убежден, что это противоречие не имело ничего общего с последовавшим между нами вскоре после этого разрывом. Разрыв этот имел более глубокие причины, но произошел так, что сначала я и не догадывался о нем и понял только позже, на основании различных косвенных признаков, что разрыв уже произошел. Нужно помнить, что Breuer высказал о своей знаменитой первой пациентке, что сексуальные моменты у нее были удивительно неразвиты и никогда ничего не привносили в богатую картину ее болезни. Я всегда удивлялся, что критика так редко пользовалась этим утверждением Breuer'a как противоположением моему мнению о сексуальной этиологии неврозов, и до сих пор не знаю, следует ли усматривать в этом упущении доказательство их скромности или их невнимательности. Кто перечтет теперь снова историю болезни Breuer'a, тот при свете добытых за последние двадцать лет знаний не сможет не понять символики змей, оцепенения, паралича руки и, учитывая положение у постели больной отца, легко поймет значение каждого симптома. Его оценка роли сексуальности в душевной жизни этой больной резко разойдется с мнением врача. Больная поддавалась при лечении в самой сложной степени внушению со стороны Breuer'a, и ее отношение к нему может нам служить образцом того, что мы называем «перенесением» (Uebertragung). У меня были все основания полагать, что Breuer, по устранении всех проявлении болезни, должен был открыть по новым симптомам у нее сексуальную мотивировку этого «перенесения», но от него ускользнул общий характер этого неожиданного явления, так что он, как пораженный «untoward event», на этом месте оборвал исследование. Я не получил от него по этому вопросу никаких прямых указаний, но в различное время он дал мне достаточно оснований для вышеизложенных предположений. Когда я впоследствии все решительнее настаивал на значении сексуальности в этиологии неврозов, он первый проявил по отношению ко мне то неприязненное отношение, которое мне впоследствии стало так хорошо знакомо, но .которое я тогда еще не понимал, как мою роковую судьбу.

Факт грубо сексуально окрашенного, нежного или враждебного перенесения, возникающего при всяком лечении невроза перенесения, хотя и нежелательного и не вызываемого ни одной из сторон (больным и врачом), казался мне всегда неопровержимым доказательством происхождения творческих сил. невроза из области сексуальной жизни. Это доказательство еще до сих пор недостаточно серьезно оценено, так как в этом случае при исследовании не было бы собственно другого выбора. Для меня оно сохраняет свое решающее значение одинаково и даже больше, чем соответствующие результаты аналитической работы.

Утешением за этот дурной прием, который гипотеза сексуальной этиологии неврозов встретила даже в тесном кругу моих друзей (вокруг меня очень скоро образовалось пустое пространство), служила мне мысль, что я выступил на борьбу за новую и оригинальную идею. Однако в один прекрасный день всплыли у меня воспоминания, которые лишили меня этого удовлетворения, но зато раскрыли предо мной прекрасную картину процессов нашего познания. Идея, ответственность за которую легла на меня, никоим образом не является моим детищем. Она была дана мне тремя лицами, мнение которых должно было встретить с моей стороны глубочайшее уважение: самим Breuer'ом, Charcot и гинекологом нашего университета Chrobak'ом, может быть, самым выдающимся из наших венских врачей. Все эти три человека передали мне мнение, которого, строго говоря, сами они не разделяли. Двое из них отказались от своих слов, когда я позднее напоминал им о них, третий, Charcot, вероятно, сделал бы то же самое, если бы только суждено мне было снова встретиться с ним. Во мне же эти, конгенитальные мысли, которые мне запомнились, хотя я их не понимал, дремали в течение многих лет, пока, наконец, не проявились как мое собственное оригинальное познание. Когда я, еще молодой госпитальный врач, однажды гулял, по городу, к нему подошел какой-то человек и хотел сейчас же поговорить с ним. Я отстал

немного, а когда Breuer освободился, он рассказал мне со своей дружелюбно наставнической манерой, что это муж одной пациентки дал ему о ней сведение. Женщина эта, прибавил он, держит себя на людях столь вызывающе, что ее направили к нему для лечения, как нервнобольную. Это всегда «тайны алькова», — прибавил он в заключение. Я с удивлением спросил, что он этим собственно хочет сказать, и он объяснил мне значение слова, («брачное ложе»), так как не мог понять, почему его мысль показалась мне такой странной.

Несколько лет спустя я сидел на одном из приемных вечеров у Charcot недалеко от уважаемого учителя, который как раз рассказывал Brouardell'ю, по-видимому, об очень интересном случае из практики. Я не расслышал начала, но постепенно рассказ приковал к себе мое внимание. Молодая супружеская пара с далекого востока: жена — тяжелобольная, муж импотент или очень неловкий. «Tâchez-donc», слышал я, как повторял Charcot, «je vous assure, vous y arriverez». Brouardell, который говорил тише, должно быть, выразил свое удивление, что такие обстоятельства могут вызвать подобные симптомы, потому что Charcot вдруг с большой живостью воскликнул: «Mais dans les cas pareils c'est toujours la chose, genitale toujours, toujours».

При этом он скрестил руки на нижней части живота и со свойственной ему живостью подпрыгнул несколько раз на месте. Я помню, что в это мгновение я был поражен от удивления и сказал себе: если ему это известно, то почему же он никогда не упоминает об этом? Но впечатление скоро забылось. Анатомия мозга и экспериментальное воспроизведение истерических параличей поглотили весь мой интерес.

Спустя год я начал свою врачебную практику в Вене в качестве приват-доцента по нервным болезням и оставался в области этиологии неврозов таким невинным и невежественным, как этого только и можно ожидать от подающего надежды академического ученого. Тут я получил однажды любезное приглашение Chrobak'a принять от него пациентку, которой он благодаря своему новому положению университетского преподавателя не мог посвящать достаточно времени. Придя раньше него к больной, я узнал, что она страдает непонятными припадками страха, которые ослабевают только при условии точной осведомленности больной в том, где именно во всякое время дня находится ее. врач. Когда явился Chrobak, он отвел меня в сторону и открыл мне, что страх пациентки происходит вследствие того, что она, несмотря на 18-летнее замужество, осталась до сих пор virgo intacta. Муж абсолютно импотентен. В таких случаях врачу не остается другого выхода, как покрывать своей репутацией домашнее несчастье и согласиться с тем, чтобы о нем, пожимая плечами, говорили: да ведь он ничего не понимает, если не вылечил ее за столько лет. «Единственный рецепт для таких страданий, — прибавил он, — нам слишком хорошо известен, но, к сожалению, мы не можем его прописать. Он гласит:

Rp. Penis normalis

dosim Repetatur!»

О таком рецепте я ничего не слыхивал и мог бы только покачать головой на циническое замечание моего доброжелателя.

Разумеется, я теперь указываю на происхождение столь ославленной идеи совсем не для того, чтобы свалить с себя ответственность за нее на других. Я слишком хорошо знаю, что совсем не одно и то же — высказать один или несколько раз какую-нибудь мысль в виде беглого замечания или отнестись к ней серьезно, понять ее буквально, устранить все противоречащие подробности и завоевать для нее место среди других признанных уже истин. Это, приблизительно, так же отличается одно от другого, как легкий флирт от законного брака со всеми его обязанностями и трудностями. «Epouser les idees de» ...это, по крайней мере; по-французски употребительный оборот речи.

Из других моментов, присоединившихся затем к катартическому методу благодаря моим исследованиям, преобразовавших его в психоанализ, я упомяну следующие:

Учение о вытеснении и сопротивлении, значение детской сексуальности и применение толкования сновидений для познания области бессознательного.

В создании учения о вытеснении я был, безусловно, самостоятелен, мне неизвестно

никакое влияние, которое сколько-нибудь приблизило меня к этому пониманию. Я долгое время считал эту идею совершенно оригинальной, пока O. Rank не показал нам место «Wille und Vorstelluny» Schopenhauer'a, где философ старается объяснить, что такое безумие. То, что этот мыслитель говорит о сопротивлении (противодействии) какому-либо мучительному явлению действительности, настолько совпадает с содержанием моего понятия о вытеснении, что только благодаря моей неначитанности я имел возможность сделать это оригинальное открытие.

Однако многие читали это место и проглядели его, не сделав такого открытия, и, вероятно, и со мной произошло бы то же самое, если бы я в более ранние годы находил больше интереса в чтении философа. Позже я вполне сознательно отказался от громадного наслаждения, которое дает чтение произведений Nietzsche, благодаря тому убеждению, что никакие предвзятые идеи не должны служить мне помехой в переработке моих психоаналитических впечатлений. Зато я должен был быть готовым и готов и теперь отказаться от всех притязаний на первенство в тех частных случаях, когда кропотливое психоаналитическое исследование может только свестись к подтверждению интуитивных суждений философов.

Учение о вытеснении — фундамент, на котором зиждется все здание психоанализа, — составляет существеннейшую часть его и представляет из себя не что иное, как теоретическое выражение наблюдения, которое можно повторять сколько угодно раз, если только, не применяя гипноза, приступить к анализу невротика. Тогда чувствуется сопротивление, которое противодействует аналитической работе и под предлогом пробела в воспоминаниях старается сделать эту работу невозможной. Применение гипноза должно было скрыть это сопротивление; поэтому история настоящего психоанализа начинается только с момента определенного технического нововведения — отказа от гипноза. Теоретическая оценка того, что это сопротивление совпадает с амнезией, ведет затем неизбежно к психоаналитическому пониманию бессознательной душевной деятельности, к пониманию, которое очень заметно отличается от философских умозрений. Поэтому можно сказать, что .психоаналитическая теория является попыткой объяснить Два рода наблюдений, которые поразительным образом повторяются при всякой попытке открыть в жизни невротика причины проявления его страданий, т. е. факты «перенесения» и «сопротивления». Всякое исследование, которое признает оба эти факта, как исходное положение работы, может называться психоанализом, если даже оно приходит к каким-либо другим результатам, отличным от моих. Кто же берется за другие стороны проблемы и отступает от этих обеих предпосылок, того вряд ли можно не упрекнуть в покушении на чужую собственность при помощи мимикрии, особенно, если он будет упорно называть себя психоаналитиком.

Я бы самым решительным образом протестовал против того, чтобы считать учение о вытеснении и о сопротивлении предпосылками психоанализа, а не выводами. Такие предпосылки общепсихологической и биологической природы действительно существуют, и было бы целесообразно поговорить о них в другом месте, но учение о вытеснении — результат психоаналитических исследований, законным образом добыт из бесчисленных наблюдений. Такое же приобретение, только гораздо более позднего времени, составляет разработка вопроса о детской сексуальности, о которой в первые годы нащупывания пути аналитического исследования еще не было и речи. Можно было только заметить, что причину влияния актуальных впечатлений у больного приходится видеть в прошлом. Но «ищущий находит часто больше, чем хотел бы найти». Приходилось все дальше и дальше углубляться в прошлое, и, наконец, как будто бы являлась надежда, что можно будет остановиться на периоде возмужалости, на эпохе традиционного пробуждения сексуального чувства. Напрасно: следы вели еще дальше назад, в детство и даже далее, в ранние его годы. На этом пути пришлось преодолеть заблуждение, которое чуть не стало роковым для молодой науки. Под влиянием связанной с Charcot травматической теории истерии приходилось считать реальными и имеющими этиологическое значение рассказы больных,

которые приписывали пассивным сексуальным переживаниям в раннем детстве, то есть, грубо выражаясь, половому соблазну, значение причины симптомов болезни. Когда эта этиология рухнула вследствие ее неправдоподобия и противоречия с несомненно установленными фактами, то непосредственным следствием этого явился период полнейшей растерянности. Анализ приводил вполне правильным путем к этого рода инфантильным сексуальным травмам, и тем не менее они оказывались ложью. Почва действительности была таким образом утеряна. В это время я охотно бросил бы всю работу подобно моему почтенному предшественнику Вгеиег'у после сделанного им неприятного открытия. Может быть, я устоял только потому, что у меня не было выбора начинать что-либо другое. В конце концов, я стал понимать, что никто не имеет права отчаиваться только потому, что обманулся в своих ожиданиях, но что следует проверить, не ошибся ли он в своих предположениях. Если истеричные указывают на вымышленные травмы как на причину симптомов болезни, то сущность этого нового факта сводится к тому, что они фантазируют о таких сценах, и поэтому необходимо считаться с этой психической реальностью так же, как и с практической. Вскоре я имел возможность убедиться, что назначение этих фантазий прикрыть и прикрасить аутоэротические проявления детских лет и поднять их на более высокую ступень (сублимировать). И вот тут-то за этими фантазиями и открылась во всем ее объеме половая жизнь ребенка.

В этой сексуальной деятельности раннего детства могла проявиться и прирожденная конституция. Предрасположение и переживание связывались здесь в одно этиологическое целое благодаря тому, что вследствие предрасположения получали значение возбуждающих и фиксирующихся травм такие впечатления, которые иначе по своей обычности не имели никакого влияния: эти переживания пробуждали в больном такие факторы предрасположения, которые без них долго бы дремали и, может быть, остались бы в зародышевом состоянии. Последнее слово в вопросе о травматической этиологии было сказано затем Abraham'ом, указавшим, какая именно особенность сексуальной конституции ребенка умеет провоцировать своеобразные сексуальные переживания, то есть травмы.

Мои положения о сексуальности детей были вначале основаны почти исключительно на результатах анализа у взрослых, углубляющихся в прошлое. Для прямых наблюдений над ребенком у меня еще не было случая.

Поэтому необычайным триумфом оказалась возможность несколькими годами позже подтвердить прямым наблюдением и анализом детей в очень ранние годы жизни большую часть этих заключений. Но триумф этот постепенно бледнел при мысли, что открытий такого рода следует, пожалуй, стыдиться: чем больше углублялись в наблюдение над ребенком, тем более естественным становился самый факт сексуальности, и в то же время тем более удивительным казалось, что столько труда положено было другими на то, чтобы его не замечать.

Такое твердое убеждение в существовании и значении детской сексуальности можно, однако, себе составить только путем анализа, идя от симптомов и особенностей невротиков к их первоисточникам, вскрытие которых объясняет то, что в них вообще объяснимо, и дает нам возможность изменить то, что поддается изменению. Я прекрасно понимаю, что приходят к другим результатам, когда (как это недавно сделал Jung) сперва создают себе определенное теоретическое представление о природе полового влечения и, исходя уже из него, хотят понять жизнь ребенка.

На таком представлении можно остановиться только произвольно или вследствие посторонних соображений и рискуешь тем, что оно будет не соответствовать той области, к которой его хотят применить. Разумеется, и аналитический путь ведет к известным конечным трудностям и непонятным местам в области сексуальности и ее отношений во всей жизни индивидуума; но их не следует устранять путем различных соображений, а нужно оставлять неразрешенными до тех пор, пока они не будут объяснены другими наблюдениями или наблюдениями в иных областях.

О толковании сновидений я скажу очень немного. Оно далось мне само как первый

плод технического нововведения, после того, как я, следуя смутному предположению, решился заменить гипноз свободными ассоциациями. Моя любознательность не была с самого начала направлена на понимание сновидений. Мне неизвестны никакие влияния, которые привлекли бы мой интерес к сновидениям или вызывали бы во мне ожидания определенных результатов работы. Я едва успел до разрыва моего с Breuer'ом как-то сказать ему одну только фразу, что умею теперь разгадывать сны. Благодаря такому историческому ходу этого открытия символика сновидений оказалась почти последним достижением в моем понимании сновидения, так как ассоциации мало что дают для объяснения символов. Так как я придерживался привычки всегда изучать сначала самые явления, прежде всяких справок о них в книгах, то я мог установить символику сновидения гораздо раньше, чем нашел указания на этот счет в сочинениях Scherner'a. Я оценил в полном объеме это средство выражения сновидения лишь позже, отчасти под влиянием исследований Stekel'я, сначала заслуженного в психоанализе работника, а затем проявившего небрежность. Тесная связь между психоаналитическим толкованием сновидений и некогда столь высоко ценимым в античном мире искусством снотолкования стала мне ясна только много лет спустя. Самую оригинальную и значительную часть моей теории сновидений, объяснение видеоизменения сновидения внутренним конфликтом, своего рода внутренней неискренностью, я позже встретил у одного автора, которому была чужда медицина, а не философия, у инженера Popper'a, опубликовавшего под именем Линкеуза «Фантазии одного реалиста».

Толкование сновидений стало для меня утешением и поддержкой в те тяжелые первые годы анализа, когда я должен был осилить в одно и то же время технику, клинику и терапию неврозов. Я был совершенно одинок и часто боялся утратить способность ориентироваться и уверенность в себе среди путаницы возникающих и нагромождающихся трудностей. Проверка моего предположения, что невроз должен быть объяснен посредством анализа, заставляла часто до того долго себя ждать, что это обстоятельство могло сбить с пути; в сновидениях же, в которых можно видеть аналогию симптомам, это предположение находило почти полное подтверждение. Только эти успехи дали мне силу, уверенность и выдержку. Поэтому я привык измерять степень понимания работающего в области психологии его отношением к проблемам толкования сновидений и с удовлетворением заметил, что большая часть противников психоанализа, избегала вообще вступать на эту почву или вела себя в высшей степени неловко, когда пыталась это сделать. Мой самоанализ, необходимость которого стала для меня очевидной, я провел с помощью ряда своих сновидений, которые ввели меня во все события моих детских лет. Я еще и до сих пор остаюсь при том мнении, что у человека, имеющего хорошие сны и в достаточной степени нормального, такого рода анализ может быть вполне достаточен.

Развернув эту картину истории возникновения психоанализа, я, думаю, показал лучше, в чем он заключается, чем систематическим его изложением. Я сначала не понял особенного характера моих открытий. Не задумываясь, я принес в жертву начинавшуюся мою популярность врача и наплыв нервнобольных на мой прием, последовательно доискиваясь сексуальных причин их неврозов; при этом я наткнулся на такие факты, которые окончательно укрепили мое убеждение в практическом значении сексуального момента. Ничего не подозревая, я выступил докладчиком в венском обществе специалистов, председателем которого был Kraft Ebbing, в ожидании, что интерес и признание товарищей вознаградят меня за добровольно взятый на себя материальный ущерб. Я относился к моим открытиям, как к более или менее безразличному научному материалу, и рассчитывал встретить такое же отношение и со стороны других. Только тишина, воцарившаяся после моих докладов, пустота, образовавшаяся вокруг меня, намеки по моему адресу заставили меня мало-помалу понять, что если утверждаешь, что сексуальность играет определенную роль в этиологии неврозов, то не рассчитывай на такое же отношение к себе, как при других научных докладах. Я понял, что с этого времени я принадлежал к тому сорту людей, которые, по выражению Hebbel'я, «нарушили покой мира», и что я не могу рассчитывать на объективное отношение к себе и на то, чтобы со мной считались. Но так как мое убеждение в

том, что мои наблюдения и выводы в общем правильны, постоянно росло, а мое доверие к собственному суждению и мое нравственное мужество были достаточны, то выход из этого положения несомненно мог быть для меня только один, — я решился поверить, что на мою долю выпало счастье открыть соотношения особенно важного значения, и нашел в себе готовность подвергнуться участи, которая иногда связана с подобным открытием.

Эту участь я себе представлял приблизительно таким образом: мне, пожалуй, кое-как удастся просуществовать благодаря терапевтическим успехам нового метода, но наука не обратит во время моей жизни на меня никакого внимания. Может быть, только несколько десятилетий спустя кто-нибудь другой неизбежно натолкнется на те же самые, пока несвоевременные, явления, добьется их признания и таким образом воздаст мне честь как предшественнику, по необходимости потерпевшему неудачу. Между тем я устраивался, как Робинзон на необитаемом острове, насколько возможно удобнее. Когда я, среди смут и тяжести настоящего, взираю на те одинокие годы, мне кажется, что это было прекрасное героическое время: «Splendid isolation» не было лишено своих преимуществ и прелестей. Мне не нужно было читать никакой литературы, выслушивать плохо осведомленных противников, я был свободен от какого-либо влияния, ничем не стеснен. Я научился не поддаваться склонности к отвлеченным размышлениям и, следуя незабвенному совету моего учителя, Charcot, часто все снова и снова пересматривал те же самые явления, пока они не заговорят сами. Мои статьи, для которых я тоже с некоторым трудом нашел приют, должны были содержать гораздо меньше того, что я знал, опубликование их могло быть отложено на сколько угодно, потому что не приходилось защищать свой сомнительный приоритет. Толкование сновидений, например, было готово во всем существенном в начале 1896, а напечатано было только летом 1899 года. Лечение Доры было закончено к концу 1899 года, ее история болезни записана в течение ближайших двух недель, а опубликована только в 1905. Между тем мои труды не реферировались в специальной литературе, или, если это случалось в виде исключения, то отношение к ним было отрицательным, проникнутым чувством презрения, сострадания или превосходства. Иной раз какой-нибудь коллега посвящал мне в той или другой статье очень короткое и не очень-то лестное замечание, вроде: «слишком мудрит, впадает в крайности, очень странно». Однажды случилось, что ассистент клиники в Вене, в которой я читал каждый семестр курс, попросил у меня разрешения присутствовать на этих лекциях. Он слушал с большим вниманием, не возражал, но после последней лекции вызвался проводить меня. Во время прогулки он признался мне, что по совету моего шефа он написал книгу против моего учения и очень сожалеет, что познакомился с ним ближе только теперь, благодаря моим лекциям. В противном случае он о многом написал бы по-другому. На его вопрос шефу, не следует ли ему сначала прочесть «Толкование сновидений», он получил ответ, что не стоит, труда. В то время сам он сравнил мою научную систему, как он ее понял по крепости ее внутреннего остова, с католической церковью. В интересах его душевного благополучия мне хотелось бы думать, что в этом замечании содержалась некоторая доля признания. Но затем, в заключение, он прибавил, что теперь слишком поздно менять что-нибудь в его книге, так как она уже напечатана. Этот самый врач не счел также нужным и позже сообщить свету о том, что он изменил свое мнение о психоанализе, а предпочел следить за развитием психоанализа в качестве постоянного референта одного медицинского журнала, в своих малосерьезных комментариях к нему.

К счастью, в те годы моя личная чувствительность притупилась окончательно. Но от озлобления меня избавило одно обстоятельство, которое приходит на помощь далеко не всем одиноким изобретателям. Обыкновенно они мучительно доискиваются причины безучастия или отрицательного отношения к ним современников и ощущают это как заставляющее страдать возражение против правильности их собственного убеждения. Мне этого и не нужно было, потому что психоаналитическое учение дало мне возможность понимать поведение окружающего мира, оценивать его как необходимое следствие основных аналитических положений. Если действительно верно, что вскрытые мною совокупности

психических процессов не допускаются в сознание больного внутренними аффективными сопротивлениями, то эти же сопротивления должны возникнуть также и у здоровых, как только до них доходит со стороны это вытесненное. Не было ничего удивительного и в том, что здоровые люди умели логически мотивировать свое обусловленное аффектами отрицание; это случалось у больных так же часто, и они приводили те же самые доказательства («аргументы так же банальны, как ежевика», как говорит Фальстаф), и нельзя сказать, чтобы уж очень остроумные. Различие заключалось в том, что по отношению к больным можно было прибегать к мерам воздействия, чтобы убедить их в наличии сопротивления и преодолеть его, но это было невозможно по отношению к здоровым. Неразрешенным остался вопрос о том, каким образом можно было бы заставить этих здоровых заняться научно-объективной проверкой учения, и разрешение этого вопроса поневоле пришлось предоставить времени. В истории наук нередко можно убедиться в том, что тот самый метод лечения, который сначала вызывал только возражения, спустя некоторое время встречал общее признание, хотя не было приведено никаких новых доказательств в его пользу/

Но, конечно, странно было бы ожидать, чтобы в эти годы, когда я был единственным представителем психоанализа, во мне развилось особенное почтение к суждениям света или склонность к интеллектуальной уступчивости.

2

С 1902 года вокруг меня собралось несколько молодых врачей с определенным намерением изучать психоанализ, применять его на практике и распространять его. Толчок к этому дал один коллега, испытавший на самом себе действие аналитической терапии. У меня собирались в определенные вечера, вели в установленном порядке дискуссии, старались разобраться в казавшейся странной новой области исследования и разбудить интерес к ней. Однажды к нам явился молодой человек, окончивший ремесленное училище, с рукописью, изобличавшей необыкновенное понимание психоанализа. Мы побудили его пройти гимназический курс, поступить в университет и посвятить себя неврачебному применению психоанализа. Маленький ферейн приобрел таким образом усердного и надежного секретаря, я нашел в лице Rank'a верного помощника и сотрудника.

Маленький кружок скоро разросся, неоднократно меняясь в своем составе в течение ближайших лет. В общем, могу сознаться, что по богатству и многообразию дарований людей он едва ли уступал штабу любого клинического преподавателя. С самого начала в его состав входили люди, которым суждено было сыграть позже в истории психоаналитического движения такую значительную, хотя и не всегда завидную роль. Но тогда еще нельзя было предвидеть, что будет дальше. Я имел основание быть довольным и, думаю, сделал все, чтобы передать другим то, что знал и чему научил меня опыт. Дурным предзнаменованием были только два факта, благодаря которым кружок в конце концов стал мне внутренне чужд. Мне не удалось водворить между сочленами его того дружеского согласия, которое должно царить между людьми, выполняющими одну и ту же тяжелую работу: и так же мало удалось мне искоренить споры о приоритете, для которых в условиях совместной работы всегда достаточно повода.

Уже в частном венском психоаналитическом ферейне давали себя знать громадные трудности обучения практическому применению психоанализа, вызывающие у многих разногласия. Я сам не осмеливался преподавать еще не готовую технику и не установившуюся теорию с тем авторитетом, который, вероятно, избавил бы от многих ошибок и окончательных заблуждений. Если самостоятельность научных работников, их ранняя независимость от учителя с психологической точки зрения всегда желательны, то в научном отношении выигрыш получается от этого только тогда, если они обладают известными личными качествами, к сожалению, не очень часто встречающимися. Как раз психоанализ требовал долгой и строгой выдержки и выработки самообладания. Ценя

мужество, которое проявили члены ферейна, отдавшись непопулярному и так мало обещающему в будущем делу, я готов был не обращать внимания на многое, что в ином случае оттолкнуло бы меня. К тому же кружок объединил не только врачей, но и других образованных людей, понявших значение психоанализа, — писателей, художников и т. п. «Толкование сновидений», книга об «Остроте» и другие показали с самого начала, что учение психоанализа не ограничится областью медицины, но может найти себе применение в разнообразных областях науки о духе.

С 1907 года положение против всяких ожиданий сразу изменилось. Оказалось, что психоанализ постепенно пробудил к себе интерес и нашел друзей, что имеются научные работники, готовые признать его. B1euler письмом известил меня, что мои труды изучаются и применяются в Burghölzli. В январе J907 года прибыл в Вену первый из представителей цюрихской, клиники, д-р Eitingon; скоро затем последовали и другие посещения, которые проложили путь для оживленного обмена мнений; наконец, по приглашению Jung'a, тогда еще адъюнкта Burghölzli, весною 1908 года состоялся первый съезд в Зальцбурге, на котором объединились друзья психоанализа из Вены, Цюриха и других мест. Результатом этого первого психоаналитического конгресса было основание журнала, который начал выходить в 1909 году, — издаваемый B1eu1er'ом и Freud'ом под редакцией Jung'a. В этом журнале проявилось тесное объединение на почве совместной работы школ Вены и Цюриха. Я неоднократно с благодарностью признавал заслуги Цюрихской психиатрической школы, в особенности Bleuler'a и Jung'a, в деле распространения психоанализа и не задумаюсь сделать это и теперь, при изменившихся наших отношениях. Конечно, участие Цюрихской школы обратило тогда впервые внимание научного мира на психоанализ. Латентный период уже прошел, и психоанализ сделался повсюду предметом возрастающего интереса. Следствием появившегося повсюду интереса в большинстве случаев было сперва страстное отрицание, в Цюрихе же, напротив, основным тоном взаимоотношений было принципиальное согласие. Нигде в другом месте я не нашел такой тесной группы сторонников, нигде не была предоставлена официальная клиника к услугам психоаналитического исследования и не приходилось видеть клинического преподавателя, который включил бы психоанализ в курс психиатрии. Цюрихцы образовали, таким образом, центральное ядро маленькой группы, борющейся за правильную оценку психоанализа. Только здесь, в Цюрихе, можно было изучить новое искусство и работать в его области. Большая часть моих нынешних сторонников и сотрудников пришла ко мне через Цюрих, даже такие, которым географически Вена была гораздо ближе Швейцарии. Вена лежит эксцентрически для Запада Европы, который вмещает крупные центры нашей культуры. Ее значение сильно умаляется благодаря венским предрассудкам. В деятельную в духовном отношении Швейцарию стекаются представители самых дальних национальностей; очаг заразы в этом месте должен был сделаться особенно важным для распространения психической эпидемии, как назвал ее Hoche в Фрейбурге.

По свидетельству одного .коллеги, который принимал участие в развитии психоаналитического движения в Burghözli, можно установить., что психоанализ там уже очень рано пробудил к себе интерес. В опубликованной в 1902 г. Jung'ом статье об оккультных феноменах находится первая ссылка на толкование сновидений. С 1903 или 1904 г., сообщает свидетель, на которого я ссылаюсь, психоанализ стоял на первом плане. После того как завязались личные отношения между Веной и Цюрихом, ив Burghözli образовался свободный ферейн, в котором в периодических собраниях обсуждались психоаналитические вопросы. В объединении, которое образовалось между венской и цюрихской школой, швейцарцы никоим образом не были только воспринимающей стороной. Они сами уже выполнили почтенную научную работу, результаты которой послужили на пользу психоанализу. Указанному школой Wundt'a ассоциативному эксперименту было ими дано объяснение в психоаналитическом смысле, и найдена для него возможность нового неожиданного применения. Таким образом, появилась возможность доказать несложным экспериментом психоаналитические положения и демонстрировать учащемуся отдельные

факты, которые аналитик до тех пор мог бы только описать. Таким образом, впервые был проложен путь от экспериментальной психологии к психоанализу.

Ассоциативный эксперимент дает возможность при психоаналитическом лечении сделать предварительный качественный анализ случая, но не представляет никакого существенного улучшения техники и при проведении анализов от него можно, собственно, отказаться. Цюрихской школой или лучше сказать ее обоими вождями, B1eu1er'ом и Jung'ом, было совершено еще и другое, более значительное дело. Первый доказал, что целый ряд чисто психиатрических случаев можно объяснить такими же процессами, какие с помощью психоанализа открыты а сновидениях и в неврозах (Фрейдовские механизмы). Jung с успехом применил аналитический способ толкования к самым странным и темным явлениям Dementia praecox, генетическая связь которых с событиями из жизни и интересами больного стала тогда ясна. С тех пор психиатрам стало уже невозможно игнорировать психоанализ. Солидный труд B1eu1er'a о шизофрении (1911), в котором психоаналитические методы и взгляды занимают такое же место, как и клинически-систематические, завершил этот успех. Я не хочу здесь упустить случая указать на различие, намечавшееся уже тогда в направлении работ обеих школ. Уже в 1897 г. я опубликовал анализ случая шизофрении, который носил параноидный характер, так что данное ему объяснение не могло уменьшить впечатления от анализов Jung'a. Но для меня было самым важным не толкование симптомов, а психический механизм заболевания и прежде всего совпадение этого механизма с уже известным механизмом истерии. Различие между обеими болезнями тогда еще не было ясно. Уже в то время моей целью было установление либидинозной теории неврозов, сводящей все невротические и психотические явления к следствию анормального развития либидо, т. е. отклонению его от нормального применения. У швейцарских, исследователей этой точки зрения не было. B1eu1er, насколько я знаю, еще и до настоящего времени крепко держится взгляда об органическом происхождении Dernentia praecox, и Jung, книга которого об этом заболевании появилась в 1907 г., защищал в 1908 г. на Зальцбурюком конгрессе токсическую теорию, которая, хотя и не исключает теории либидо, однако игнорирует ее. В этом именно пункте он позднее (1912) споткнулся, взяв на этот раз слишком много из той материи (либидо), от которой прежде отказывался.

Третье дополнение швейцарской школы, которое, может быть, нужно поставить целиком в счет Jung'y, я не могу так высоко оценить, как это делают люди, стоящие в стороне от вопроса. Я подразумеваю учение о комплексах, которое выросло из «Diagnostische Associationsstudien» (1906—1910). Из него не создалось психологической теории, оно не может непосредственно войти в общую систему психоаналитических учений. Но зато слово «комплекс» как удобный, часто незаменимый термин для описательной формулировки психологических фактов приобрело право гражданства в психоанализе. Ни один из других созданных потребностями психоанализа терминов и обозначений не приобрел такой широкой популярности и не был так часто неправильно применяем во вред образованию точных понятий, как этот. Психоаналитики стали говорить между собой о возвращении комплекса, когда подразумевали «возвращение вытесненного», или привыкали к выражению: «у меня комплекс против него» там, где правильнее сказать: сопротивление. Начиная с 1907 г., в течение ряда лет после слияния венской и цюрихской школ, психоанализ обнаруживает тог необыкновенный подъем, под знаком которого он находится еще и теперь и о котором с одинаковой убедительностью говорят как распространение обслуживающих его повременных изданий и увеличение числа врачей, которые применяют его на практике или желают изучить его, так и учащение нападок на него на конгрессах и в ученых обществах. Психоанализ проник до отдаленнейших стран и не только повсюду напугал психиатров, но заставил призадуматься и образованных неспециалистов и работников в других областях науки.

Один, вероятно, немецкий, врач из Чили выступил на интернациональном конгрессе в Буэнос-Айресе в 1910 г. в защиту существования инфантильной сексуальности и отмечал успешность психоаналитической терапии при симптомах навязчивости; один английский

невролог в центральной Индии сообщил мне через одного коллегу, отправившегося в Европу, что в этиологии неврозов между магометанскими индусами, к которым он применяет психоанализ, и нашими европейскими пациентами не наблюдается никакого различия.

Распространение психоанализа в Северной Америке произошло при особенно почетных обстоятельствах. Осенью 1909 г. Jung и я были приглашены Stan1y Ho1l'ем, президентом Clark University в Worcester'e (близ Бостона), принять участие в празднествах по случаю двадцатилетия со дня основания этого учреждения и прочесть там лекции на немецком языке. Мы нашли, к нашему большому удивлению, что свободные от предрассудков представители этого маленького, но уважаемого педагогически-философского университета были знакомы со всеми психоаналитическими трудами и знакомили с ними на своих лекциях слушателей. В такой чопорной Америке можно было, по крайней мере, в академических кругах свободно говорить и обсуждать то, что в жизни считается предосудительным. Пять лекций, которые я сымпровизировал в Worcester'e, появились потом в английском переводе и вскоре затем по-немецки. Jung читал о диагностических исследованиях ассоциации и о «Konflikte der kindlichen Seele». Мы были за это вознаграждены почетным титулом Z. Z. D. (Докторов обоих прав). Психоанализ был предоставлен на этой праздничной неделе пятью лицами: кроме Jung'a и меня, были Ferenzi, сопровождающий меня Ernst Jones, бывший тогда при университете в Торонто (Канада), теперь в Лондоне, и A. Brill, занимавшийся в Нью-Йорке аналитической практикой. Все они ознакомились с психоанализом в Цюрихе. В Worcestere завязались и очень ценные личные отношения с James I. Patnem, преподавателем невропатологии, Harvard University, который за несколько лет до того относился отрицательно к психоанализу, теперь же быстро освоился с ним и рекомендовал его своим соотечественникам и коллегам по специальности в многочисленных лекциях, очень содержательных и красивых по форме. Уважение, которым он пользуется в Америке вследствие своей высокой нравственности и смелой любви к истине, послужило в пользу психоанализу и защитило его от клеветы, которая при других условиях, вероятно, сразила бы его с самого начала. Позднее Patnem, слишком подчиняясь высоким этическим и философским запросам своей натуры, предъявил к психоанализу, как я думаю, невыполнимое требование — именно, чтобы он служил определенному нравственно-философскому миросозерцанию, но, все-таки на своей родине он остался главной опорой психоаналитического движения.

В деле распространения этого движения самые большие заслуги выпали далее на долю Brі1l'я и Jones'a. В своих трудах с полным самоотречением, трудолюбием они настойчиво указывали своим соотечественникам на легко наблюдающиеся основные факты обыденной жизни, сновидения и невроза. Brill усилил это воздействие благодаря своей врачебной деятельности и переводом моих трудов, Jones — благодаря поучительным докладам и остроумным дискуссиям на американских конгрессах. Отсутствие глубоко укоренившихся научных традиций и меньшая официальная строгость были безусловно благоприятны толчку, данному Stanly Ho1l'ем в Америке. Характерным для тамошних условий было то, что с самого начала профессора и руководители психиатрических больниц приобщились к анализу в той же мере, как и отдельные врачи-практики. Но именно поэтому ясно, что борьба за психоанализ должна в будущем решиться там, где было оказано нам наибольшее сопротивление, — в области старых центров культуры.

Из европейских стран до сих пор Франция оказывалась страной, наиболее невосприимчивой к психоанализу, хотя заслуживающие полной похвалы работы цюрихца A.Meder'a сделали его легко доступным французскому читателю. Первые выражения сочувствия дошли до нас из французской провинции Moricheau Bauchant был первым французом, открыто признавшим психоанализ. Regis и Resnard (Бордо) совсем недавно (1913) попытались рассеять предубеждения своих соотечественников против нового учения, дав подробное и точное изложение его и только высказав некоторое сомнение в вопросе о символике.

В самом Париже, кажется, еще господствует убеждение, которое так красноречиво излагал Janet на лондонском конгрессе 1913 г., что все, что в психоанализе верного, повторяет с небольшими изменениями взгляды Janet, все же остальное никуда не годится. Janet пришлось уже на самом конгрессе выслушать ряд замечаний и поправок со стороны Jones'a, который указал ему на недостаточное знакомство его с предметом. Несмотря на это, мы не можем забыть заслуг Janet в области психологии неврозов, хотя и не согласны с его притязаниями.

В Италии после нескольких многообещающих начинаний не последовало дальнейшего участия итальянских ученых в психоаналитическом движении. В Голландию анализ благодаря личным связям проник довольно рано. Интерес научных кругов Англии к анализу развивался очень медленно, но все говорит за то, что именно там предстоит ему блестящий расцвет благодаря склонности англичан ко всему фактическому и страстности, с которой они становятся на защиту справедливости.

В Швеции Bierge, преемник Wetter strand'a в области врачебной практики, по крайней мере временно, отказался от внушения в гипнозе в пользу психоаналитического учения. R. Vogt (Христиания) с уважением отзывается о психоанализе в своих «Psykiatriens Qrund track», так что первый учебник психиатрии, с упоминанием о психоанализе, был написан на норвежском языке. В России психоанализ известен и распространен; почти все мои книги, как и других приверженцев анализа, переведены на русский язык. Но более глубокое понимание психоаналитических учений еще не установилось. Научные вклады русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительными. Только Одесса имеет в лице М. Вульфа представителя аналитической школы. Введение психоанализа в польскую науку и литературу есть, главным образом, заслуга Jekels'a. Так близко связанная с Австрией географически и столь чуждая ей в научном отношении Венгрия подарила психоанализу только одного сотрудника, S. Ferenczi, но такого, который стоит целого ферейна.

Относительно положения психоанализа в Германии можно сказать, что он стоит в центре научной дискуссии и вызывает у врачей, как и у неспециалистов, выражения самого решительного отпора, который до сих пор не прекратился и, временами усиливаясь, все снова и снова подымается. Ни одно официальное учебное заведение до сих пор не допустило в свои стены психоанализа; врачи, успешно применяющие его на практике, малочисленны; только немногие лечебницы, например, Binswanger'a в Крейцлингене и Марциновского в Гольштинии, открыли ему двери. На критической почве, Берлина подвизается один из самых выдающихся представителей анализа, Carl Abraham, бывший ассистент B1eu1er'a. Можно было бы удивляться, что это положение вещей остается неизменным вот уже в течение ряда лет, если бы не было известно, что оно соответствует только внешней видимости. Не следует преувеличивать значение официальных представителей науки и руководителей лечебных заведений, так же, как и находящейся в зависимости от них ученой молодежи. Понятно, что противники громко подымают голос, в то время как запуганные приверженцы воздерживаются от шумных выступлений. Многие из последних, первые вклады которых в психоанализ вызывали надежды, потом, под давлением обстоятельств, отстранились от этого движения.

Но само движение потихоньку неудержимо развивается, вербует постоянно новых приверженцев среди психиатров и неспециалистов, доставляет психоаналитической литературе все возрастающее число читателей и именно этим побуждает противников к все более сильным попыткам противодействия. Уже десятки раз пришлось мне в течение этих лет читать в отчетах о работах некоторых конгрессов и научных заседаний, ферейнов или в рефератах после некоторых обнародованных трудов: «Ну, теперь психоанализ умер, окончательно побежден и уничтожен». Ответ можно было бы составить в духе телеграммы Марка Твена в газету, поместившую ложное известие о его смерти: известие о моей смерти сильно преувеличено. После каждого из этих известий о смерти психоанализ приобретал новых приверженцев и сотрудников или создавал себе новые органы. Объявление о смерти

было все-таки шагом вперед по сравнению с полным замалчиванием его.

Одновременно с описанным пространственным распространением психоанализа произошло обогащение его содержания благодаря перенесению его из невропатологии (учения о неврозах) и психиатрии в другие области знания. Эту часть истории развития нашей дисциплины я не стану подробно излагать, так как превосходный труд Rank'a и Sachs'a (в Grenzfragen Zoewenfeld'a) излагает именно эти результаты аналитической работы.

Впрочем, все это только еще в зародыше, мало разработано, большею частью только начинания; а иногда даже одни лишь намерения. Правильно говоря, здесь нет никаких оснований для упреков. Перед громадной массой заданий стоит только небольшое число работников, большая часть которых работает, главным образом, в какой-нибудь другой области и вынуждена браться за специальные проблемы с неподготовленностью дилетантов. Эти исследователи, работающие в области психоанализа, нисколько не скрывают того, что они дилетанты в других областях; они хотят только указать пути и наметить цели для специалистов и рекомендовать им аналитическую технику и предпосылки для применения в их работах. Если достигнутые результаты уже и теперь значительны, то это, с одной стороны, вследствие продуктивности аналитической методики, с другой стороны, это происходит благодаря тому обстоятельству, что уже и теперь имеются исследователи, которые, не будучи сами врачами, поставили задачей своей жизни применение психоанализа к наукам о духе. Большая часть этих трудов основана, понятно, на указаниях, данных в моих первых аналитических работах. Аналитическое исследование нервнобольных и невротических симптомов нормальных людей дало основание предполагать такие психологические соотношения, которые никак не исчерпываются только той областью, в которой они были открыты. Таким образом, анализ не только дал нам объяснение патологических процессов, но указал также и на связь их с нормальной душевной жизнью; он открыл непредполагавшиеся отношения между психиатрией и различными другими науками, содержанием которых была душевная деятельность.

Благодаря аналитическому объяснению типических сновидений стало возможным понимание многих мифов и сказок. Riklin и Abraham последовали этому указанию и начали те исследования мифов, которые впоследствии нашли завершение в трудах Rank'a по мифологии, отвечающих всем требованиям специалистов. Дальнейшая разработка символики сновидений привела к важнейшим проблемам мифологии — фольклора (Jones, Storfer) и религиозных созерцаний. Глубокое впечатление на слушателей произвел на одном из психоаналитических конгрессов один ученик Jung'a, доказавший сходство шизофренических фантазий с космогониями эпох первобытных племен. Не совсем убедительную, но все же очень интересную обработку нашел позднее мифологический материал в работах Jung'a, который хотел установить связи между невротикой, религиозными и мифологическими фантазиями.

Другой путь вел от исследования сновидений к анализу поэтических произведений и, наконец, самих поэтов и художников. На первом этапе такого исследования выяснилось, что вымышленные поэтами сны часто поддаются такому же анализу, как и настоящие (Gradiva). Понимание бессознательной душевной деятельности впервые дало возможность получить представление о сущности творческой деятельности поэта. Настоящее понимание значения инстинктивных влечений, которое необходимо вытекало из исследований невроза, позволило уяснить источники .художественного творчества и выдвинуло проблему о том, каким образом художник реагирует на эти импульсы и какими средствами маскирует он свои реакции. (Rank «Der Künstler» анализы поэтов Sadger'a, Reik'a и других, моя маленькая книжка об одном воспоминании детства Леонардо да Винчи, Abraham'a — анализ Сегантини). Большая часть аналитиков, не чуждых широким интересам, участвовала своими трудами в разработке этой одной из привлекательнейших проблем, к которым был применен психоанализ, и здесь, естественно, не обошлось без возражений со стороны лиц, незнакомых с психоанализом; они проявлялись в таком же непонимании и страстном отрицании, как это происходило и на родной почве психоанализа. Следовало ожидать с самого начала, что

всюду, куда бы ни проникал психоанализ, ему придется выдержать ту же самую борьбу с признанными специалистами. Только эти попытки вторжения в чужие области не возбуждали еще того внимания, какое им стали уделять в будущем. Среди строго научных применений анализа к литературе на первом месте стоит солидный труд Rank'a об инцесте, содержание которого, несомненно, должно вызвать в высшей степени враждебное отношение. Лингвистическая и исторические работы на почве психоанализа пока еще немногочисленны. Я сам осмелился в 1910 г. впервые коснуться религиозно-психологической проблемы, проведя параллель между церемониалом религиозным и невротическим. Священник Dr. Pfister в Цюрихе в своей работе о набожности графа von Zinzendorf'a, так же, как и в других работах, доказал, что религиозная мечтательность сводится к проявлениям извращенной эротики, в последних же работах цюрихской школы наблюдается как раз наоборот, намеренное введение в анализ представлений.

В четырех статьях о Totem и Tabu я сделал попытку разработать с помощью психоанализа проблему психологии народов, которая вела непосредственно к происхождению важнейших культурных установлений, государственных порядков, нравственности, религии, а также и к запретам кровосмесительства и велениям совести. В настоящее время еще неизвестно, насколько выяснившиеся при этом взаимоотношения способны будут в дальнейшем выдержать критику.

Первый пример применения аналитической мысли к эстетическим темам дала моя книга об «Остроте».

Будущее еще ждет работников, которые как раз в этой области могут рассчитывать на богатую жатву. Однако в соответствующих научных областях замечается недостаток в рабочих силах; для привлечения их Hans Sachs основал в 1912 году редактируемый им и Rank'ом журнал Imago.В том же органе Hitschmann и von Winterstein положили добрый почин психоаналитическому освещению философских систем и личностей, которому остается только пожелать продолжения и углубления.

Открытия психоанализа в области душевной жизни ребенка, производящие впечатление целого переворота, значение полового влечения у ребенка (Hug — Helmuth) и дальнейшая судьба тех составных частей сексуальности, которые уже не служат целям продолжения рода, должны были очень рано привлечь внимание педагогики и вызвать попытку и в этой области выдвинуть на первый план аналитическую точку зрения. Заслуга пастора Pfister'a состоит в том, что он первый с энтузиазмом применил анализ и познакомил с ним воспитателей и духовных пастырей. Ему удалось привлечь к участию в своих научных изысканиях многих швейцарских педагогов. Иные из представителей его сословия как будто разделяют эти убеждения, но из предосторожности предпочитают держаться в тени. Отколовшаяся часть венских аналитиков, отправляясь от психоанализа, по-видимому, остановилась на совершенно своеобразной врачебной педагогике.

В этих неполных набросках я попытался указать на неподдающиеся еще ближайшему рассмотрению различные отношения, установившиеся между врачебным психоанализом и другими научными областями. Здесь достаточно материала для работы целого поколения научных исследователей, и я не сомневаюсь, что эта работа будет сделана, как только удастся преодолеть сопротивление против анализа на его родной почве.

Писать историю этих сопротивлений я считаю в настоящее время делом бесцельным и несвоевременным. Она не делает большой чести современным мужам науки. Заодно уже добавлю, что мне никогда не приходило в голову с презрением ругать без разбора всех противников психоанализа только потому, что они противники. Исключение составляют несколько недостойных личностей авантюристов и карьеристов, которые во время борьбы обыкновенно встречаются в обоих лагерях. Мне уже удалось выяснить по опыту, что психоанализ обнаруживает в каждом человеке все то худшее, что в нем есть. Но я решил не отвечать, и, насколько хватало моего влияния, я и других удерживал от полемики. Польза публичной или литературной дискуссии при особых условиях борьбы за психоанализ казалась мне весьма сомнительной: большинство на конгрессах и в заседаниях ферейнов

было заранее обеспечено, а мое доверие к справедливости и благородству господ противников никогда не было очень велико.

Слишком хорошо известно, что только немногим удается в научном споре держаться в пределах приличия и, еще менее, не отклоняться от сути вопроса, у меня же всегда было отвращение к научной перебранке. Возможно, что такой образ действий с моей стороны послужил причиной для недоразумений: меня стали считать таким добродушным или даже запуганным, что не приходилось уже более уделять мне сколько-нибудь внимания. И это совершенно неправильно: я так же хорошо умею браниться, как и всякий другой, но я не обладаю умением облекать в литературную форму лежащие в основе всего этого аффекты и поэтому предпочитаю полное воздержание от брани.

В некоторых отношениях, пожалуй, было бы лучше, если бы я дал волю страстям, бурлившим и во мне и вокруг меня. Всем нам пришлось выслушать интересную попытку отыскать в венском быте объяснение возникновения психоанализа; еще в 1913 году Janet не преминул воспользоваться этим утверждением для своих целей, хотя, наверно, гордится тем, что он парижанин. В заметке этой утверждается, что психоанализ, respective положение, что неврозы происходят от аномалий половой жизни, могло возникнуть только в таком городе, как Вена, в атмосфере чувственности и безнравственности, чуждой другим городам, и представляет собою просто отражение, так сказать, теоретическую проекцию специфических условий венской жизни. Мне-то, наверное, чужд патриотизм моего квартала, но эта теория казалась мне всегда особенно бессмысленной, настолько бессмысленной, что я не раз приходил к мысли, что упрек в моем венском происхождении заменяет, только в. более приличной форме, что-то другое, о чем не так охотно говорят вслух. Если бы вместо предполагаемых условий имелись совершенно противоположные, то тогда можно было бы еще о чем-то говорить. Предположим, что существует город, жители которого подвергают себя особенным ограничениям в области удовлетворения полового влечения и в то же время проявляют особенную склонность к тяжелым нервным заболеваниям, тогда, разумеется, такой город явился бы подходящей почвой, на которой наблюдателю могло бы прийти в голову связать эти два факта и объяснить один другим. Но ни одно, ни другое предположение не подходят к городу Вена. Жители Вены не отличаются ни большим воздержанием, ни более повышенной нервностью, чем жители других крупных центров. Отношения между полами несколько свободнее, чопорности меньше, чем в кичащихся своим целомудрием городах Запада и Севера. Эти особенности венской жизни должны были бы скорее ввести в заблуждение предполагаемого наблюдателя, чем выяснить ему этиологию неврозов.

Но город Вена сделал все возможное для того, чтобы отклонить свое участие в возникновении психоанализа.

Нигде враждебная индифферентность ученых и образованных кругов не дает так сильно чувствовать аналитику, как именно в Вене.

Быть может, отчасти я и сам в этом виноват, благодаря моей политике избегать широкой гласности. Если бы я сам дал повод и согласился бы на то, чтобы психоанализ стал предметом обсуждения на шумных заседаниях венских медицинских обществ, причем бы разразились все страсти, были бы высказаны все упреки и ругательства, готовые сорваться с языка и таившиеся в уме, то гонение на психоанализ было бы преодолено, и он не был бы чужим в своем родном городе. Ну, а теперь, видно, прав поэт, когда влагает в уста Валленштейну:

Никак мне венцы не простят,
Что я лишал спектакля их.

Задачу, до которой я не дорос, — указать противникам психоанализа в более мягкой форме их неправоту и произвольность их заключений, — взял на себя потом Bleuler в 1911 году и выполнил ее самым достойным образом. То, что я расхваливаю этот направленный против обеих сторон критический труд, настолько понятно, что я спешу заявить, какие я в нем нахожу недостатки. Он кажется мне все-таки пристрастным, слишком снисходительным

к недостаткам противников, слишком строгим к промахам сторонников. Этой характерной чертой можно затем объяснить также и то, что суждение столь высоко авторитетного психиатра, компетентность и независимость мнений которого не подлежат никакому сомнению, не произвело сильного влияния на его товарищей по специальности. Для автора «Affektivität» (1906) нет ничего удивительного в том утверждении, что влияние научного труда зависит не от ценности его аргументации, а от основного аффективного тона. Другую часть своего влияния — влияния на сторонников психоанализа — B1eu1er позднее потерял, проявив отрицательную сторону своего отношения к психоанализу. Он в нем так много разрушает в психоаналитическом учении, что противники, конечно, могут быть вполне довольны помощью такого защитника психоанализа. Основанием для такого осуждения психоанализа Bleuler'y служат не какие-либо новые аргументы или более точные наблюдения, но единственно ссылка на уровень его собственных познаний, в недостаточности которых автор, однако, не признается, как он это делал в более ранних работах. Здесь, таким образом, казалось психоанализу грозила трудно переносимая потеря. Но в высказанном в последнем труде мнении B1eu1er ввиду нападок, которым он подвергся за введение психоанализа в свою .книгу о шизофрении, доходит до признания в себе, как он сам называет «заносчивости»: «Теперь я позволю себе кое-какую заносчивость (Uberhebung). Я полагаю, что различные психологические теории до сих пор слишком мало сделали для выяснения соотношений психогенетических симптомов и заболеваний, но что «психология глубин» открывает часть той психологии, которую только предстоит создать и которая необходима врачу для правильного понимания и рационального лечения его больных, и думаю даже, что в своей шизофрении я сделал, хотя и очень незначительный, шаг вперед к этому пониманию. Первые два утверждения, несомненно, правильны, последнее может быть и ошибочно». Так как под «психологией глубин» разумеется не что иное, как психоанализ, то мы удовлетворимся пока этим признанием.

3

Спустя два года после первого состоялся второй частный конгресс психоаналитиков, на этот раз в Нюрнберге (март 1910 г.). За этот промежуток времени под впечатлением того приема, который оказан был психоанализу в Америке, все возрастающего враждебного отношения в немецких странах и неожиданного усиления психоанализа вследствие присоединения цюрихской школы у меня возникло намерение, которое при содействии моего друга S. Ferenzi я и привел в исполнение на этом втором конгрессе. Я решил организовать психоаналитическое движение, перенести центр его в Цюрих и поставить во главе его человека, который позаботился бы о его будущем. Так как учреждение это вызвало среди сторонников анализа много разногласий, я хочу подробнее изложить мои мотивы. И я надеюсь тогда на оправдание, если бы даже оказалось, что я, действительно, не сделал ничего разумного. Я считал, что связь с Веной молодому движению не в пользу, а во вред. Центр вроде Цюриха, сердца Европы, где академический преподаватель дал психоанализу доступ в свой институт, сулил мне куда больше надежд. Далее, я полагал, что второй помехой является моя личность, оценка которой слишком спуталась из-за партийной ненависти и пристрастия; то меня сравнивали с Дарвином, Кеплером, то ругали паралитиком. Я хотел поэтому отодвинуть себя на второй план, так же, как и тот город, где возник психоанализ. К тому же я уже не был молодым, видел перед собой долгий путь, и мне было тяжело, что на мою долю в таком возрасте выпала обязанность быть вождем. Но ведь должен же быть кто-нибудь вождем, думал я. Я слишком хорошо узнал, какие заблуждения подстерегают каждого, кто стал бы заниматься анализом, и надеялся, что можно избегнуть многих заблуждений, если установить какой-нибудь авторитет, готовый давать советы и наставления. Такого рода авторитетом прежде всего обладал я, вследствие незаменимых преимуществ почти пятнадцатилетнего опыта. Мне было поэтому важно передать эту авторитетную роль более молодому человеку, который после моей смерти, разумеется, стал бы моим заместителем. Таковым мог быть только K.G.Jung, так как B1eu1er приходился мне ровесником, в пользу же Jung'a говорили его выдающееся дарование и уже внесенные им

вклады в анализ, его независимое положение и впечатление уверенной в себе силы, которая производила его личность. К тому же он готов был вступить со мной в дружеские отношения и отказался ради меня от расовых предрассудов, которыми раньше он был заражен. Я и не подозревал тогда, как неудачен был этот выбор при всех его выгодах, что он упал на человека, который, не будучи способен подчиняться чьему бы то ни было авторитету, меньше всего мог сам стать авторитетом, и энергия которого ушла на беспощадное преследование своих же собственных интересов.

Я считал необходимой форму официального общества, так как опасался, что психоанализом, как только он станет популярным, станут злоупотреблять. Должна же быть инстанция, правомочная объявить: со всей этой бессмыслицей анализ не имеет ничего общего, это не психоанализ. В заседаниях местных групп, из которых образовалось интернациональное общество, должны были учить, как вести анализ, врачи должны были совершенствоваться, и за деятельность их могла быть дана своего рода гарантия. Мне казалось также желательным, чтобы сторонники психоанализа сходились для дружеского общения и взаимной поддержки, после того как официальная наука предала анафеме и объявила бойкот врачам и учреждениям, применявшим его.

Основанием «Интернационального психоаналитического общества» я хотел достичь именно этого и ничего другого. Но это, должно быть, оказалось, больше того, что было возможно. Подобно тому, как моим противникам пришлось убедиться, что невозможно остановить новое движение, так и мне предстояло убедиться в том, что его не удастся вести по тому пути, который я для него нарисовал. Сделанное Ferenczi предложение было принято. Jung, избранный председателем, сделал Riklin'a своим секретарем; решено было также издание журнала, который связал бы центральный орган с местными группами. Цель общества была следующая: разработка и поощрение основанной Freud'ом психоаналитической науки как в чистой психологии, так и в приложении к медицине и к гуманитарным наукам; взаимная поддержка членов в стремлениях приобретать и распространять психоаналитические знания. Проект встретил со стороны венцев сильное возражение. Ad1er в страстном возбуждении высказал опасение, что тут имеется в виду цензура и ограничение научной свободы. Затем венцы уступили после того, как провели постановление, что центральный орган общества будет не в Цюрихе, а там, где будет жить избранный на два года председатель.

На самом конгрессе сконструировались три местных группы: берлинская, под председательством Abraham'a, цюрихская, которой пришлось уступить своего руководителя центральному управлению общества, и венская, ведение которой я предоставил Ad1er'y.

Четвертую группу, в Будапеште, можно было создать лишь позднее. B1eu1er'y помешала болезнь, он не был на конгрессе, высказал затем позднее принципиальное соображение против вступления в Общество и, хотя, после личного объяснения со мной, и согласился на это, но, спустя короткое время, вследствие недоразумений в Цюрихе снова вышел из него. Тем самым была порвана связь между цюрихской местной группой и лечебным заведением Burghölzli.

Следствием Нюрнбергского конгресса было также основание журнала, для которого объединились Ad1er и Stekel. Первоначально этот журнал был создан для оппозиции и с тем, чтобы вернуть Вене гегемонию, находившуюся в опасности вследствие избрания Jung'a. Но когда оба лица, предпринявшие издание журнала, затрудняясь найти издателя, убедили меня в своих .намерениях и, как доказательство своего образа мыслей, предоставили мне право veto, я взял издательство на себя и стал ревностно сотрудничать в новом органе, первый номер которого появился в сентябре 1910 года.

Продолжаю историю психоаналитических конгрессов. Третий конгресс состоялся в сентябре 1911 г. в Веймаре и превзошел предыдущие по настроению и научному интересу. J.Patnem, присутствовавший на этом собрании, выразил затем в Америке свое удовлетворение и уважение к «the mental attitude» участников его и цитировал мои слова относительно них: «Вы научились терпеть известную долю истины». В самом деле, У

каждого, кто посещал эти научные конгрессы, должно было остаться впечатление самое благоприятное для психоаналитического общества. Я сам вел заседания на первых двух конгрессах, представлял каждому докладчику достаточно времени для его сообщений: дискуссий же в собственном смысле не было, они были заменены частным обменом мнений. Jung же, который в Веймаре в качестве председателя взял ведение конгресса на себя, открывал дискуссии после каждого доклада, что тогда еще не так сильно мешало.

Совсем другую картину представил спустя два года четвертый конгресс в Мюнхене, в сентябре 1913 г., воспоминание о котором свежо еще у всех участников. Jung вел его недостойным и некорректным образом, докладчики были ограничены во времени, прения превзошли по времени самые доклады. Злой дух Hoche свил себе по иронии судьбы гнездо в том же самом доме, где аналитики вели свои заседания. Hoche мог бы без особенного труда убедиться, как они доводят до абсурда данную им характеристику фанатической секты, слепо следующей за своим вождем. Утомительные и неприятные заседания привели к повторному избранию Jung'a в председатели интернационального общества, которое Jung принял, хотя две пятых из числа присутствовавших отказали ему в своем доверии. Мы расстались без всякой потребности встретиться снова. Состояние интернационального психоаналитического общества ко времени этого конгресса было следующее: местные группы Вены, Берлина, Цюриха создались уже на конгрессе в Нюрнберге в 1910 году. В мае 1911 г. прибавилась группа в Мюнхене под председательством д-ра Seif'a. В том же году образовалась первая американская местная группа под председательством A.Brі1lя. На Веймарском конгрессе было решено основание второй американской местной группы, в течение ближайшего года вступившей в жизнь как «American-Psychoanalytic Association», объединившей членов из Канады и всей Америки и выбравшей Patnem'a своим президентом и E.Jones'a секретарем. Незадолго до Мюнхенского конгресса (1913) начала действовать Будапештская местная группа под председательством Ferenczi. Вскоре после того, переселившись в Лондон, E.Jones основал там первую английскую группу. Число членов существующих ныне восьми местных групп не дает, конечно, никакого критерия для суждения о количестве не вошедших в организацию последователей и сторонников психоанализа. Краткого упоминания заслуживает также и развитие психоаналитической периодической прессы. Первое периодическое издание по психоанализу были «Schriften für angewandten Seelenkunde», которые появились в неопределенные сроки с 1907 года и в настоящее время достигли пятнадцатого выпуска. (Издатель сначала H. Heller в Вене, затем F.Deutike). Здесь изданы Freud (1и7), Riklin, Abraham, Jung (4и11), Rank (5 и 13), Sadger, Pfister, M.Gros, Jones (10и14), Strofer и v. Hug-Helmuth. Основание «Imago», о котором придется упомянуть позднее, несколько уменьшило значение этого рода издания. После Зальцбургского съезда (1908) был вызван к жизни «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatologische Forschungen», который под редакцией Jung'a выдержал пять лет издания и теперь под новой редакцией и с несколько измененным названием, «Jahr buch für Psychoanalyze» вновь выходит в свет. Он также не стремится, подобно прежнему Jahrbuch'y, в последние годы быть архивом, для однородных работ, но желает и в своей редакционной деятельности поставить себе задачей оценку всех процессов и всех приобретений в области психоанализа. «Zentralblatt für Psychoanalyse», как упомянуто выше, задуманный Ad1er'ом и Stekel'ем, после основания интернационального ферейна, в короткое время пережил много перемен. Уже десятый выпуск первого тома выходит с извещением на первой странице, что д-р Alfred Adler решил добровольно выступить из редакции, вследствие научных разногласий с издателем. Доктор .Stekel остался с тех пор единственным редактором журнала (лето 1911 г.) На Веймарском конгрессе Zentralblatt сделался официальным органом интернационального ферейна и стал высылаться всем членам за повышенный годичный членский взнос. С третьего номера второго издания (зимой 1916 г.) Stekel стал единственным лицом, ответственным за содержание работ журнала. Его с трудом поддающееся описанию поведение заставило меня сложить с себя издательство и поспешно создать для психоанализа новый орган, — «Internationale Zeitschrift für Arztliche Psychoanalyse» — при содействии

почти всех прежних сотрудников и нового издателя H.Heller'a. Первый выпуск этого журнала мог появиться в январе 1913 г. и стать вместо. Zentralblatt'a официальным органом интернационального психоаналитического общества.

Между тем с начала 1912 г. д-р Hans Sachs и д-р Otto Rank создали новый журнал «Imago» (издание H.Heller'a), предназначавшийся исключительно для применения психоанализа к гуманитарным наукам. Imago переживает теперь середину третьего года издания и все больше заинтересовывает читателей, далеких от врачебного анализа.

Кроме этих четырех периодических изданий (Schriften für angew. Seelenkunde Jahrbuch, Intern. Zeitschrift, Imago) и другие немецкие и иностранные журналы помещают работы, которые могут занять место в психоаналитической литературе. Издаваемый Morton Prince'ом «Journal of abnormal psychology» содержит обычно так много хороших аналитических статей, что его можно считать главным представителем аналитической литературы в Америке. Зимой 1913 г. E.Eliffe в Нью-Йорке выпустил в свет новый, посвященный исключительно психоанализу, журнал (The Psychoanalytic Review), который, конечно, считается с тем, что для большинства интересующихся анализом американских врачей немецкий язык может послужить препятствием к ознакомлению.

Мне приходится теперь упомянуть о двух отделившихся от психоанализа течениях среди сторонников психоанализа — первое из них появилось между основанием ферейна (1910) и Веймарским конгрессом (1911), второе после этого в Мюнхене (1913). Можно было бы избегнуть многих разочарований, которые они мне принесли, если больше обращать внимания на то, что происходит с лицами, подвергающимися психоаналитическому лечению. А именно, я очень хорошо понимал, что при первом знакомстве с горькими истинами психоанализа можно обратиться в бегство, и сам всегда утверждал, что каждому мешают понимать его вытеснения (respective — сохраняющие их сопротивления), так что в своем отношении к анализу возможно дойти только до определенного пункта. Но я не ожидал, чтобы при определенном глубоком понимании анализа можно было вновь отказаться от своего понимания и утерять его. И все-таки повседневный опыт на больных показал мне, что абсолютное отклонение аналитических истин может исходить из тех глубоких слоев, в которых имеется особенно сильное сопротивление; если тяжелым путем добиться у такого больного, чтобы он усвоил некоторую часть психоаналитического знания и научился бы пользоваться им как собственным своим достоянием, то на нем же можно убедиться, что, очутившись во власти следующего сопротивления, он не находит поддержки во всей своей науке и начинает сопротивляться так же, как в те дни, когда он еще был совсем новичком. Мне пришлось убедиться, что с психоаналитиками дело обстоит так же, как и с больными при анализе.

Совсем нелегкая и незавидная задача -— писать историю этих двух отколовшихся движений, потому что, с одной стороны, у меня нет на то достаточно сильных личных побуждений — я не жду благодарности и не в достаточной степени мстителен, — с другой стороны, я знаю, что тем самым навлекаю на себя позор в глазах не очень-то достойных противников и доставляю врагам страстно желанное зрелище, как психоаналитики терзают друг друга. Мне стоило много борьбы с собой, чтобы не иметь с противниками дел вне анализа, теперь же я вижу себя вынужденным начать борьбу с прежними сторонниками или с теми, которые и теперь желают ими именоваться. Но у меня нет другого выбора, молчать было бы ленью или трусостью и более повредило бы делу, чем открытое разоблачение существующих недостатков. Кто следил за другими научными движениями, тот знает, что вполне аналогичные разногласия и недоразумения, как правило, имеют место и там. Разве только в других местах их старательнее скрывают; психоанализ, отрицающий многие условности, и в этом отношении откровеннее.

Другое сильное неудобство заключается в том, что я не могу вполне избегнуть аналитического освещения обеих противных сторон. Анализ же не годится для полемических приемов. Он предполагает согласие анализируемого и подчинение его авторитету аналитика. Поэтому тот, кто прибегает к анализу в целях полемических, должен

быть готов к тому, что и анализируемый обратит против него анализ, и эта дискуссия примет такую форму, что всякая возможность составить себе убеждение для беспристрастного третьего лица будет совершенно исключена. Я доведу поэтому до минимума анализ, и тем самым нескромность и агрессивность по отношению к своим противникам, и прибавлю к тому же, что научную критику я не обосновываю такими средствами. Я не касаюсь того, что, может быть, и истинно в отвергнутых мною учениях, не пытаюсь их и опровергать. Пусть это будет предоставлено другим работникам в области психоанализа; отчасти это уже и сделано. Я хочу только показать, что именно и в каких пунктах эти учения отрицают основные положения анализа и поэтому не должны называться этим именем. Итак, я пользуюсь анализом только для того, чтобы 0бъяснить, как могли возникнуть у аналитиков эти уклонения от анализа. Во всяком случае, в пунктах расхождения я должен и критическими замечаниями защищать права психоанализа.

Психоанализ поставил своей ближайшей задачей объяснение неврозов и взял за исходные пункты оба факта — сопротивления и перенесения и, принимая во внимание третий факт — амнезии, дал им объяснение в теориях о вытеснении, сексуальных двигательных силах невроза и о бессознательном. Он никогда не предъявлял претензий на то, чтобы вообще дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека, но требовал только, чтобы применяли его положения для дополнения и корректуры нашего знания, приобретенного любым иным путем. Теория Alfred'a Adler'a идет гораздо дальше этой цели; она хочет поведение и характер людей объяснить тем же приемом, что и невротические и психотические заболевания их; она, действительно, более соответствует всякой другой области, чем области невроза, которую она все-таки выставляет на первый план, вследствие истории своего возникновения. Я в течение многих лет имел возможность изучать д-ра Adler'a и всегда отзывался о нем как о крупном уме, особенно склонном к абстрактному мышлению. Как пример «преследований», которым, как он утверждал, он подвергался с моей стороны, я могу сослаться на то, что после основания ферейна я передал ему ведение венской группы. Только настоятельные требования всех членов ферейна побудили меня взять на себя снова председательство в научных заседаниях. Когда я убедился в его малоспособности к оценке именно бессознательного материала, я стал ожидать, что он сумеет открыть связь психоанализа с психологией и биологическими основами влечений (Triebvorgänge), на что давали мне право, до известной степени, его ценные труды по малоценности органов. Он, действительно, создал нечто подобное, но его труд вышел таким, как будто бы, говоря на его жаргоне, он был предназначен для доказательства того, что психоанализ во всех отношениях неправ и отстаивает значение сексуальных факторов только благодаря легковерному отношению к рассказам невротиков. О чисто личных мотивах его деятельности также приходится говорить публично, так как он сам раскрыл их в небольшом кругу членов венской группы заявлением: «Не думаете ли вы, что для меня большое удовольствие всю жизнь стоять в вашей тени?». Я еще не вижу ничего недостойного, когда молодой человек открыто сознается в своем честолюбии, которое и без того можно предполагать как один из рычагов его работы. Но находясь во власти такого мотива, надо избегать сделаться тем, что англичане, при их деликатном общественном такте, называтот «unfair» — понятие, для которого у немцев куда более грубое выражение. Как мало это удалось Adler'y, показывает масса мелочной злобы, которая искажает его труды, и черты необузданной страсти в претензиях на первенство, которые скрываются в них. В венском психоаналитическом обществе нам пришлось однажды прямо услышать, что он претендует на первенство в деле выяснения взгляда об «единстве неврозов» и о «динамическом» понимании их. Это было для меня большим сюрпризом, так как я всегда полагал, что я отстаивал оба эти принципа еще до моего знакомства с Ad1er'ом.

Это стремление Adler'a к «месту под солнцем» имело еще одно следствие, которое психоанализ должен ощущать как благодетельное. Когда я, по выяснении непримиримых научных противоречий, заставил Adler'a выйти из состава редакции Zentralblatt'a, он оставил и общество и основал новый ферейн, которому дал красивое название «Ферейн для

свободного психоанализа». Но люди, стоящие в стороне от анализа, очевидно, так же мало способны разобраться в различии в воззрениях двух психоаналитиков, как и мы, европейцы, способны разобраться в нюансах, которыми лицо одного китайца отличается от другого, «Свободный» психоанализ продолжал оставаться в тени «официального», «ортодоксального» психоанализа и считаться только придатком последнего. Тогда Adler сделал заслуживающий благодарности шаг, порвавши всякую связь с психоанализом, отграничив от него свое учение как «индивидуальную психологию». В Божьем мире так много места, и всякий, кто только может, имеет право без стеснений шататься по белу свету, но нежелательно жить под одной кровлей, когда уже более не понимают и не переносят друг друга. «Индивидуальная психология» Adler'a в настоящее время составляет одно из многочисленных психологических течений, враждебных психоанализу, дальнейшее развитие которых лежит вне круга его интересов.

Теория Adler'a с самого начала была «системой», чего психоанализ старательно избегал. Она также превосходный .пример «вторичной обработки», которую проделывает над материалом сновидений наше бодрствующее мышление. Материал сновидений в этом случае заменяется вновь приобретенным материалом психоаналитических исследований, но принимается обычно с точки зрения собственного «я», подводится под обычные для этого «я» категории, подвергается изменениям и точно так же ложно и неправильно истолковывается, как это имеет место и при образовании сновидений. Теория Adler'a характеризуется не столько тем, что она утверждает, сколько тем, что отрицает; она состоит из трех неравноценных элементов: довольно приличных вкладов в психологию «я», излишних, но приемлемых переводов установленных психоанализом фактов на новый жаргон и из искажения и запутывания последних, поскольку они не соответствуют предпосылкам «я». Психоанализ всегда признавал элементы первого рода, хотя и не обязан был уделять им особого внимания. Гораздо интереснее было показать, что ко всем стремлениям «я» примешиваются либидинозные компоненты. В противоположность этому, учение Adler'a подчеркивает эгоистические добавления к либидинозным влечениям. Это было бы значительным выигрышем, если бы Adler не пользовался этим, чтобы отрицать из-за компонентов влечений «я» либидинозные душевные движения. В данном случае его теория проделывает то же самое, что делают все больные и что происходит и с нашим сознательным мышлением вообще, а именно — рационализацию, как называет ее Jones для прикрытия бессознательного мотива. При этом Adler настолько последователен, что даже считает самым сильным мотивом полового акта желание указать женщине свое превосходство, быть сверху. Я не знаю, защищает ли он эту нелепость и в других трудах.

Психоанализ давно открыл, что невротический симптом обязан своим существованием компромиссу. Поэтому он должен так или иначе пойти навстречу требованиям «я», от которого исходит вытеснение; он должен давать некоторые преимущества, допускать полезное применение, иначе он подвергся бы той участи, что и первоначально отклоненное влечение. Термин «достижение благодаря болезни» считался с этим фактом; правильно было бы различать первичное достижение «я», действительное уже при возникновении симптома, от «вторичных» достижений, которые присоединяются к остальным намерениям «я» в случае, если симптом оказывается длительно стойким. Так же давно уже известно анализу, что лишение этого достижения благодаря болезни или совершенное прекращение его вследствие изменения реальной жизни является одним из моментов освобождения от симптомов. В учении Adler'a подчеркиваются, главным образом, именно вполне понятные отношения, которые всегда не трудно установить. При этом совершенно упускается из виду, что «я» бесчисленное множество раз просто поневоле мирится с нежелательным, навязанным ему симптомом из-за связанных с ним преимуществ, например, пользуясь страхом, как защитительным средством. «Я» играет при этом смешную роль глупого «рыжего» в цирке, который своими жестами думает внушить зрителям, что все перемены на арене совершаются только по его команде. Но этому верят только юнцы.

Вторую составную часть учения Adler'a психоанализу приходится отстаивать, как

свою собственность. Это психоаналитическое знание автор почерпал из всевозможных доступных ему источников за время десятилетней совместной работы и затем, только изменив номенклатуру, объявил своей собственностью. Я сам, например, считаю слово «Sicherung» (обеспечение) более подходящим, чем употребленное мною «Schutzmassregël» (мера предосторожности), но я не нахожу в нем никакого нового содержания. Точно так же в положениях Adler'a многое окажется давно известным, если, например, вместо «выдуманный, фиктивный, фикция» воспользоваться первоначальным термином «фантастический, фантазия». На тождественности этих понятий психоанализ настаивал бы даже и в том случае, если бы автор и не участвовал в течение многих лет в общей работе.

Третья часть учения Adler'a — перетолковывание и искажение неудобных аналитических фактов — содержит то, что окончательно отмежевывает от анализа нынешнюю «индивидуальную психологию». Основная мысль системы Adler'a, как известно, гласит: цель самоутверждения индивидуума, его «воля ко власти» проявляется доминирующим образом в форме «мужского протеста», в образе его жизни, в образовании характера и в неврозе. Этот мужской протест — главный двигатель у Adler'a — есть, однако, не что иное, как отделенное от своего психологического механизма вытеснение, которое к тому же еще сексуализируется,. что плохо согласуется с знаменитым отрицанием за сексуальностью ее роли в психической жизни. Мужской протест, наверное, существует, но когда понадобилось образовать из него основной двигатель психических процессов, тогда это наблюдение сыграло только роль трамплина, от которого нужно отделиться, чтобы подняться выше. Возьмем одну из основных ситуаций сексуального инфантильного желания, наблюдение ребенком полового акта между взрослыми. Анализ в таких случаях показывает у тех лиц, историей жизни которых впоследствии приходится заниматься врачу, что в этот момент малолетними зрителями владеют два побуждения: одно, если это мальчик, стать на место активного мужчины, и другое, противоположное стремление, отождествить себя со страдающей женщиной. Оба эти стремления в совокупности исчерпывают возможности наслаждения, которые дает эта ситуация. Только первое стремление можно подвести под мужской протест, если за этим понятием вообще следует сохранить какой-нибудь смысл. А второе стремление, о судьбе которого Adler не беспокоится или которого он даже и не знает, и есть то, которое имеет куда большее значение для позднее наступающего невроза. Adler настолько целиком ушел в ревнивую ограниченность «я», что считается только с теми влечениями, которые приемлемы для «я» и поддерживаются им. Но как раз случай невроза, где эти побуждения сопротивляются «я», лежит вне его поля зрения.

При ставшей благодаря психоанализу неизбежной попытке установить связь между основным принципом его учения и душевной жизнью ребенка у Adler'a имели место самые резкие, величайшие уклонения от действительных наблюдений и самая глубокая спутанность понятий. Биологический социальный и психологический смысл «мужского» и «женского» смешались самым безнадежным образом. Кажется совершенно невозможным и противоречит прямым наблюдениям, чтобы ребенок-мальчик или девочка начертал план своей жизни, основываясь на первоначальном презрении к женскому полу, и руководящей жизненной линией своего поведения сделали бы желание: хочу стать настоящим мужчиной. Ребенок первоначально и не подозревает значения различия полов и исходит скорее из предположения, что у обоих полов одинаковые (мужские) гениталии; он начинает свои сексуальные исследования совсем не с проблемы различия полов и очень далек от социально низкой оценки женщины. Существуют женщины, в неврозе которых желание быть мужчиной не играет никакой роли. Все то, что можно констатировать в мужском протесте, не трудно свести к нарушению первоначального нарцизма угрозой кастрацией, respective к первым запретам половой деятельности. Всякий спор о психогенезе неврозов должен разрешиться на почве детских неврозов. Тщательный анализ невроза в раннем детстве кладет конец всем ошибкам в смысле этиологии неврозов и сомнениям о роли сексуальных влечений. Поэтому Adler в своей критике работы Jung'a «Konflikte der Kindlichen Seel» должен был прибегнуть к подтасовке, доказывая, что материал этого случая, вероятно, был

односторонне подобран отцом.

Я не буду дальше останавливаться на биологической стороне теории Adler'a и не стану исследовать, действительно ли конкретная недостаточность органов или субъективное ощущение последней — неизвестно, что из двух, — в состоянии служить основой системы Adler'a. Уместно будет сделать замечание, что в таком случае невроз был бы только побочным результатом всеобщего вырождения, между тем как наблюдение нас учит, что огромное большинство безобразных, уродов, калек и убогих вовсе не реагирует на свои недостатки развитием невроза. Я не буду касаться интересной новости о перемещении чувства малоценности в детство. Она показывает нам, под какой маской подчеркнутый момент инфантилизма вновь всплывает в индивидуальной психологии. Но зато я обязан показать, как все психологические приобретения психоанализа бесцельно теряются у Adler'a. Бессознательное еще является в «Nervose Charakter» как психологическая особенность, но без всякого отношения к системе. Позже он вполне последовательно объявил, что ему безразлично, сознательно ли представление или бессознательно. У Adler'a с самого начала не было никакого понятия для вытеснения. В реферате об одном докладе в венском ферейне (февраль 1911) значится: «На примере одного случая указывается на то, что пациент не вытеснил своего libido, от которого он ведь постоянно старался защищаться». В одной венской дискуссии он вскоре после того высказал следующее: «Когда вы спрашиваете, «откуда являлось вытеснение?» — то получаете ответ: «от культуры». Когда вы затем спрашиваете: «откуда явилась культура?» — то вам отвечают: «от вытеснения». Вы видите, таким образом, что дело тут в игре слов». Маленькая искра остроумия, с которой Adler раскрыл искусство защиты своего «нервного характера», была бы вполне достаточна, чтобы указать ему выход из этого предательского аргумента. Тут скрывается тот смысл, что культура покоится на результатах вытеснений прежних поколений и что каждому новому поколению приходится оберегать культуру, совершая те же самые вытеснения. Я слышал о ребенке, который считал себя одураченным и стал кричать только потому, что на вопрос: откуда берутся яйца? — получил в ответ: от кур; на дальнейший вопрос: откуда берутся куры? — получил ответ: из яиц. И все же тут не было игры словами, а ребенку говорили правду.

Так же жалко и бессодержательно все, что Adler высказал о сновидении, этом пробном камне психоанализа. Сновидение было для него сначала поворотом с мужской на женскую линию, что означает не что иное, как переложение учения об осуществлении желаний в сновидении на язык «мужского протеста».

Позднее он находит сущность сновидения в том, что посредством сновидения человек в бессознательном состоянии делает для себя возможным то, что сознательно запрещается. Также приоритет смешивания сновидения со скрытыми мыслями его, на котором покоится его понимание «перспективной тенденции» (предвидения) надо приписать Adler'y. Meder в этом отношении последовал за ним. При этом стараются не замечать того, что всякое толкование сновидения, явное содержание которого вообще недоступно пониманию, основывается на применении того самого толкования сновидений, предпосылки и выводы которого оспаривают. Сопротивление, по Adler'y, служит больному для того, чтобы он мог упорствовать на своем перед врачом. Конечно, это верно; но ведь это совершенно то же, что сказать: оно служит сопротивлению. Но откуда это сопротивление возникает и каким образом так выходит, что больной может пользоваться его проявлениями в своих целях, об этом, как о безразличном для «я» явлении, не дают никаких пояснений. Не принимаются во внимание ни детали механизма симптомов и феноменов, ни вообще обоснование разнообразия картин болезни и болезненных проявлений, так как ведь все служит одинаково мужскому протесту, самоутверждению личности. Система готова, она получилась благодаря своеобразному перетолкованию; но зато и не дала ни одного наблюдения. Я думаю, мне удалось показать, что система Adler'a не имеет ничего общего с психоанализом.

Картина жизни, которая вырисовывается из системы, Adler'a, основана целиком на агрессивном влечении; она не оставляет места для любви. Приходится удивляться, что столь

безотрадное мировоззрение обратило на себя внимание; но не следует забывать, что стонущее под игом половой потребности человечество готово воспринять что угодно, если только в качестве приманки выставить «преодоление сексуальности».

Отпадение Adler'a произошло до веймарского конгресса 1911 года, после этого года началось отпадение швейцарцев. Первыми признаками его были некоторые выражения Riklin'a в популярных статьях швейцарской литературы, из которых окружающий мир узнал раньше, чем единомышленники-специалисты, что психоанализ преодолел некоторые печальные дискредитировавшие его заблуждения. В 1912 г. Jung в письме из Америки хвастался тем, будто его видоизменения психоанализа преодолели сопротивления у многих лиц, которые до того не хотели о нем и слышать. Я ответил, что хвалиться собственно нечем и что чем больше он будет приносить в жертву добытые с таким трудом истины психоанализа, тем скорее убедится, как сопротивление будет исчезать. Видоизменение, введением которого швейцарцы так сильно гордились, было опять-таки не что иное, как теоретическое затушевывание сексуального момента. Сознаюсь, с самого начала я понимал этот «успех», как слишком далеко идущее приспособление к требованиям момента.

Оба регрессирующие, уходящие от психоанализа движения, которые мне теперь приходится сравнивать, обнаруживают сходство и в том, что с помощью, возвышенных принципов, словно с точки зрения предвечного, они отстаивают выгодные для них предрассудки. У Adler'a эту роль играет относительность всякого познания и право личности индивидуально при помощи художественных средств распоряжаться научным материалом. Jung вопит о культурно-историческом праве молодежи сбросить с себя оковы, которые пожелала наложить на нее тираническая старость, оцепеневшая в своих воззрениях.

Нельзя оставить без возражения эти аргументы. Относительность нашего познания — соображение, которое может быть противопоставлено любой научной дисциплине в такой же мере, как психоанализу. Оно исходит от известных реакционных, враждебных науке течений современной мысли и претендует на превосходство, которое в отношении к нам не имеет оправдания. Никто из нас не может предугадать, каково будет окончательное суждение человечества о наших теоретических исканиях. Имеются примеры того, что отрицание трех ближайших поколений исправлялось следующим непосредственно за ними и сменялось признанием. Каждому в отдельности исследователю остается только всеми силами отстаивать основанное на опыте убеждение после старательного прислушивания к голосу собственной критики и некоторой доли внимания к возражениям противников. Можно быть довольным, если честно ведешь свое дело и не берешь на себя роль судьи, которая должна быть предоставлена отдаленному будущему.

Подчеркивание личного произвола в научных вопросах неуместно. Оно, очевидно, желает оспаривать научную ценность психоанализа и без того уменьшенную предыдущим замечанием. Кто высоко ценит научное мышление, тот скорее будет искать средств и методов, чтобы по возможности ограничить фактор чисто личного художественного произвола в тех областях, где он играет еще слишком большую роль. Впрочем, следует своевременно вспомнить, что всякая ревностная защита здесь совершенно излишня. Эти аргументы Adler'a несерьезны: они применяются только по отношению к противникам, но щадят его собственные теории. Они не помешали сторонникам Adler'a чествовать в его лице Мессию, к появлению которого чающее его человечество подготовлялось длинным рядом предтеч. О! Мессия, конечно, не представляет из себя ничего относительного.

Аргумент Jung'a ad captandam benevolentiam1 основывается на слишком оптимистическом предположении, что прогресс человечества, культуры, знания словно всегда совершался только по прямой линии. Как будто никогда не бывало эпигонов, реакций и реставраций после каждой революции, поколений, которые в своем регрессе отказывались от завоеваний прежних поколений. Приближение к точке зрения толпы, отказ от неприятного нововведения делают наперед невероятным, чтобы исправление психоанализа Jun g'ом могло претендовать на роль освободительного юношеского подвига. В конце концов

[1] Рассчитанный «а снискание расположения.

решающим является не возраст героя, а характер его подвига.

Из двух рассмотренных здесь движений, несомненно, более значительно учение Adler'a. Абсолютно ложное, оно все же отличается последовательностью и стройностью. Оно все еще основано на учении о влечениях. Видеоизменение же Jung'a, напротив, ослабило связь видимых явлений с влечениями. К тому же, как указали его критики, оно настолько неясно, запутанно и туманно, что нелегко установить к нему отношение. С какой бы стороны ни подойти к нему, надо быть готовым выслушать, что неправильно понял его, и в конце концов не знаешь, как же добиться верного понимания. Оно само представляется в странном неустойчивом виде, то выдавая себя за самое невинное уклонение, которое не стоит шума, поднятого вокруг него, то за новое откровение, которое открывает в психоанализе новую эру и даже новое миросозерцание для всех.

Под впечатлением противоречий между отдельными частными и публичными заявлениями последователей направления Jung'a возникает вопрос, какая доля в этом приходится собственно на неясность и какая на неискренность. Но нужно сознаться, что представители нового учения находятся в тяжелом положении. Они оспаривают теперь такие вещи, которые раньше сами защищали, и не на почве наблюдений, которые открыли бы им что-нибудь новое, а вследствие перетолкованкй, благодаря которым те же самые вещи кажутся им теперь совсем не такими, какими они их видели раньше. Поэтому они не желают разорвать связь с психоанализом, так как они стали известны как его представители, но предпочитачют заявить об изменениях в самом психоанализе. На мюнхенском конгрессе я был вынужден рассеять этот полумрак и объявил, что не считаю новшества швейцарцев законным продолжением и дальнейшим развитием созданного мной психоанализа. Другие критики (как Furtmüller) уже раньше обратили внимание на этот факт, и Abraham совершенно верно заметил, что Jung уходит сам от психоанализа. Я, конечно, готов согласиться, что всякий имеет право думать и писать, что хочет, но он не имеет никакого права выдавать это за что-либо другое.

Подобно тому, как исследование Adler'a дало нечто новое психоанализу (часть психологии «я») и хотело заплатить за этот дар слишком дорогой ценой, забросив все основы аналитического учения, так и Jung и его приверженцы связали свою борьбу с психоанализом, с новыми приобретениями для него. Они проследили в деталях (в чем их опередил Pfister), как материал сексуальных представлений из семейного комплекса и инсцестуозного выбора объекта обращается на образование высших этических и религиозных интересов человечества, т.е. разъяснили важный процесс сублимирования эротических влечений и превращение их в стремления, которые уже нельзя называть эротическими. Это как нельзя лучше согласовалось с ожиданиями психоанализа и отлично могло ужиться с воззрением, что во сне и в неврозе можно видеть регрессивное разрешение как этих, так и всех прочих сублимирований.

Но в таком случае мир в возмущении поднял бы шум, что сексуализировали этику и религию. Я не могу избежать того, чтоб не «доводить мысли до конца» и не думать, что люди, сделавшие это открытие, не чувствовали себя способными устоять перед этой бурей негодования. Возможно, она начала бушевать и в их собственной груди. Предшествующее теологическое направление многих швейцарцев оказалось не безразличным, как и социалистическое прошлое Adler'a для развития его психологии. Вспоминается известный рассказ Марка Твена о судьбе его часов и удивление, которым он заканчивается.

Я хочу вступить на путь сравнения и допустить, что в некоем обществе живет выскочка, который хвастает своим происхождением от аристократического, но чужеземного рода. И вот ему доказывают, что его родители живут где-нибудь поблизости и очень простые люди. Тогда в его распоряжении имеется еще один выход, и за него он хватается. Не имея возможности отрекаться от своих родителей, он начинает утверждать, что они и сами высокого происхождения но впали в нужду, и он добывает для них в угодливом ведомстве документ об их благородном происхождении. Думаю, что поведение швейцарцев было в этом же роде. Если нельзя было сексуализировать этику и религию и с самого начала они

были чем-то высшим, тогда как происхождение этих представлений из семейного и Эдиповского комплекса казалось неопровержимым,, то оставался только один выход: эти комплексы уже с самого начала не должны были иметь того значения, которое, казалось, в них заключается, а должны были иметь тот высший «аналогический», по номенклатуре Silberer'a смысл, при котором их можно было бы применить к абстрактным рассуждениям этики и религиозной мистики.

Теперь я боюсь услышать, что я неверно понял содержание и цели неоцюрихского учения, но я заранее протестую, чтобы возражения против моего понимания, которое вытекает из сообщений этой школы, выдвигалось как обвинение против меня, а не против них. Я не могу понять никоим образом нововведений Jung'a в целом и уловить между ними связь. Все изменения, которые Jung предпринял в психоанализе, обнаруживают стремление устранить все предосудительное в семейном комплексе, дабы не обрести его вновь в религии и в этике. Либидо было заменено абстрактным понятием, о котором можно утверждать, что оно осталось одинаково таинственным и непонятным, как для мудрецов, так и для глупцов. Эдиповский комплекс понимался только «символически», мать в нем означала недостижимое, от которого надо отказаться, в интересах культурного развития; отец, которого убивают в мифе об Эдипе, это «внутренний» отец, от которого надо освободиться, чтобы стать самостоятельным. Остальные части материала сексуальных представлений подверглись с течением времени такому же перетолковыванию. На место конфликта между противными «я» сексуальными стремлениями и самоутверждением «я» выступил конфликт «жизненной задачей» и «психической инертностью», — невротическое сознание вины соответствует упреку в невыполнении своей жизненной задачи. Так создана была новая религиозно-этическая система, которая совершенно так же, как и система Adler'a, должна была перетолковывать фактические данные психоанализа, исказить или устранить их. На самом же деле из симфонии мироздания выхватили несколько культурных обертонов и вновь прошли мимо первобытно мощной мелодии влечений.

Чтобы держаться этой системы, необходимо было совершенно уклониться от наблюдений и от техники психоанализа. В некоторых случаях воодушевление святым делом допускало даже пренебрежение к научной логике, например, когда Jung находит Эдиповский комплекс достаточно «специфическим» для этиологии неврозов и признает эту специфичность за инертностью, т. е. за самым обычным свойством как одушевленных, так и неодушевленных предметов. При этом следует заметить, что «Эдиповский комплекс» представляет из себя только некоторое определенное содержание, которым измеряются душевные силы индивидуума, сам же он не является силой, какой является психическая инертность. Исследование каждого отдельного человека установило и всегда снова установит, что в нем живы сексуальные комплексы в их первичном смысле. Поэтому исследование индивидуума отошло на задний план и было заменено обсуждением по указаниям из области народоведения. Прежде всего грозила опасность натолкнуться в раннем детстве каждого отдельного человека на первоначальный, и неприкрытый смысл перетолкованных комплексов; отсюда и возникло предписание для терапии по возможности меньше останавливаться на этом прошлом и главное внимание обратить на возвращение к актуальному конфликту, в котором, однако, самое существенное заключается не в случайное и личном, а в общем, — именно, в невыполнении жизненной задачи. Мы слышали, что актуальный конфликт невротика становится понятным и разрешенным только тогда, когда его сводят к прошлой истории больного, идут тем путем, который проделало его либидо при заболевании. Какой вид приняла неоцюрихская терапия при таких тенденциях, я могу сообщить со слов одного больного, который вынужден был испытать ее на самом себе. «На этот раз и помину не было о том, чтобы обратить внимание на прошлое и перенесение.

Там, где я полагал найти его, его выдавали за чистый символ libido. Моральные поучения были очень хороши, и я жил согласно им, но не подвинулся ни на шаг, вперед. Мне это было еще неприятнее, чем ему, но что же мне было делать? Вместо того, чтобы пути психоанализа освобождать, каждый сеанс приносил новые огромные требования, с

выполнением которых было связано преодоление невроза, например, внутренней концентрации посредством интраверсии, религиозного самоуглубления, совместной жизни с моей женой в полной любви и преданности. Это было почти свыше сил, но ведь имелось в виду радикальное преображение всего внутреннего человека. Я уходил с аналитического сеанса с чувством сокрушенности и с лучшими намерениями, но в то же время и в состоянии глубокой безнадежности. То, что он рекомендовал мне, посоветовал бы любой священник, но откуда взять сил?..» Правда, пациент сообщает, что он слышал, что нужен предварительный анализ прошлого и перенесения. Ему было сказано, что такого анализа с него достаточно. Так как он, однако, не помог, то мне кажется правильным заключение, что пациент недостаточно подвергся анализу первого рода. Ни в коем случае не помогла больше последовавшая затем часть лечения, которая не имеет уже никаких прав на название психоанализа. Приходится удивляться, что понадобится цюрихцам долгий обходной путь через Вену, чтобы, наконец, попасть в столь близкий им Берн, где Дюбуа лечит неврозы этическим ободрением в мягкой форме.

Полное расхождение этого нового направления с психоанализом сказывается, конечно, также и в трактовании вытеснения, которое едва упоминается в трудах Jung'a, в недостаточной оценке сновидений, которые он, подобно Adler'у, отказавшись от психологии сновидений, смешивает со скрытыми мыслями сновидения, в отсутствии понимания бессознательного, короче говоря, во всех тех пунктах, с которыми связана сущность психоанализа. Когда слышишь от Jung'a, что «инцесткомплекс» надо понимать только символически, что ведь реально он не существует, ведь дикарь не чувствует никакого влечения к старухе, но предпочитает молодую и красивую женщину, то хочется допустить, что слова «символически» и «отсутствие реального существования» означают именно то, что в психоанализе называется «бессознательно существующим», если принять во внимание его проявления в виде патогенного действия; таким образом, то есть, прибегая к слову «символически», хотят разрешить кажущееся противоречие между бессознательно существующим комплексом и отсутствием его «реального существования» в сознании.

Если иметь в виду, что сновидение есть не что иное, как скрытые мысли сновидения, которые оно перерабатывает, то не придется удивляться, что больные видят во сне то, чем заполнили их мысли во время лечения, будь то «жизненные задачи» или «положение сверху или снизу». Конечно, можно направлять сновидения анализируемых подобно тому, как можно влиять на сновидения экспериментально вызываемыми раздражениями. Можно заранее определить часть материала, который имеется в сновидении, сущность и механизм сновидения от этого не меняются. Не верю я также и тому, что так называемые «биографические» сны развиваются вне анализа. Напротив, если анализировать сновидения, которые имели место до лечения, или если обратить внимание на то, что видящий сны привносит к побуждениям, получаемым им во время лечения, или, если, наконец, избегать ставить ему какие бы то ни было задачи, то можно убедиться, что сновидение далеко не делает попыток разрешить жизненную задачу. Ведь сновидение есть только форма мышления. Понимания этой формы никогда нельзя вывести из содержания его мыслей, к этому ведет только оценка работы сновидения.

Фактическое опровержение недоразумений Jung'a и его уклонений от психоанализа не трудно. Каждый правильно проведенный анализ, особенно же анализ ребенка, укрепляет в убеждениях, на которых основывается теория психоанализа, и опровергает системы перетолковывания как Adler'a, так и Jung'a. Jung сам до своего «просветления» провел и опубликовал такой анализ ребенка, и остается выждать, не предпримет ли он нового толкования его с помощью «однородного направления фактов» (как гласит относящееся сюда выражение Adler'a).

Тот взгляд, что сексуальное изображение «высших» мыслей в сновидении и в неврозе есть не что иное, как архаическая форма выражения мыслей, конечно, несовместим с тем фактом, что эти сексуальные комплексы в неврозе являются носителями частей либидо, отнятых от реальной жизни. Если бы дело шло только о сексуальном жаргоне, то от этого в

экономии либидо ничто не могло бы измениться. Jung сам признает и формулирует в качестве терапевтической задачи требование, чтобы от этих комплексов либидо было отторгнуто. Но этого никогда не удастся достигнуть затушевыванием их и требованием сублимирования, а только подробнейшим разбором их и приведением их в сознание в полном объеме. Первая частица реальности, с которой больному приходится считаться, это именно его болезнь. Старания отвлечь его от этой задачи указывают на неспособность врача помочь ему в преодолении сопротивлений или на страх врача перед результатами этой работы.

В заключение я хотел бы сказать, что Jung своей «модификацией» психоанализа дал нечто вроде знаменитого ножа Лихтенберга. Он переменил рукоятку и всадил в нее новый клинок; но должны ли мы считать этот инструмент прежним, только потому, что на нем вырезано то же клеймо?

Я полагаю, что мне удалось доказать, что новое учение, которое претендует занять место психоанализа, означает отречение от анализа и отпадение от него. Может быть, явится опасение, что это отпадение будет более роковым для судьбы психоанализа, чем какое-либо другое, так как оно исходит от лиц, которые играли такую большую роль в движении и в столь значительной степени способствовали его развитию. Я не разделяю этого опасения.

Люди сильны, пока защищают великую идею; они становятся бессильными, когда идут против нее. Психоанализ перенесет эту потерю и взамен этих сторонников приобретет других. Закончу пожеланием, чтобы судьба даровала легкий подъем всем тем, кому стало неуютно пребывание в преисподней психоаналиаа, остальным же пусть будет свободно предоставлено довести работу до конца в его глубинах.